

Л.Д. Троцкий

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ

• ОКАЯННЫЕ ДНИ •

Лев Троцкий

**История русской революции.
Октябрьская революция**

«ВЕЧЕ»

1929

Троцкий Л. Д.

История русской революции. Октябрьская революция /
Л. Д. Троцкий — «ВЕЧЕ», 1929

ISBN 978-5-4444-8840-9

Воспоминания Л. Д. Троцкого рассказывают о событиях Октябрьской революции. Как активный участник революции, автор прекрасно осведомлен о ее деталях. Лидеры большевиков, тогда друзья и единомышленники, затем ставшие врагами Троцкого, получают на страницах этой книги нелестные характеристики. Несмотря на некоторую предвзятость автора к большевикам, описание событий поражает своей скрупулезностью, что вместе с хорошим слогом делает книгу интереснейшим чтением.

ISBN 978-5-4444-8840-9

© Троцкий Л. Д., 1929
© ВЕЧЕ, 1929

Содержание

Крестьянство перед Октябрем	6
Национальный вопрос	23
Выход из предпарламента и борьба за съезд Советов	38
Военно-революционный комитет	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лев Троцкий

История русской революции.

Октябрьская революция

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Крестьянство перед Октябрем

Цивилизация сделала крестьянина своим выючным ослом. Буржуазия в конце концов изменила лишь форму выюка. Едва терпимое у порога национальной жизни, крестьянство остается, по существу, и за порогом науки. Историк интересуется им обычно так же мало, как театральные критики – теми серыми фигурами, которые подметают подмостки, носят на спине небо и землю и моют уборную артистов. Участие крестьянства в революции прошлого до сих пор остается едва освещенным.

«Французская буржуазия начала с освобождения крестьян, – писал Маркс в 1848 году. – При помощи крестьян завоевала она Европу. Прусская буржуазия была так ограничена своими узкими, ближайшими интересами, что потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контрреволюции». В этом противопоставлении верно то, что относится к немецкой буржуазии; но утверждение, будто «французская буржуазия начала с освобождения крестьян», представляет собою отголосок официальной французской легенды, оказавшей в свое время влияние даже на Маркса. На самом деле буржуазия, в собственном смысле слова, противодействовала крестьянской революции, насколько хватало сил. Уже из деревенских наказов 1789 года местные вожди третьего сословия выбрасывали, под видом редактирования, наиболее резкие и смелые требования. Пресловутые решения 4 августа, принятые Национальным собранием при зареве сельских пожаров, долго оставались патетической формулой без содержания. Крестьян, которые не хотели мириться с обманом, Учредительное собрание заклиняло «вернуться к выполнению своих обязанностей и относиться к собственности (феодальной!) с надлежащим уважением». Гражданская гвардия не раз устремлялась в деревни на подавление крестьян. Городские рабочие, становясь на сторону восставших, встречали буржуазных усмирителей камнями и осколками черепицы.

В течение пяти лет французские крестьяне поднимались во все критические моменты революции, препятствуя сделке между феодальными и буржуазными собственниками. Парижские санкюлоты, проливая свою кровь за республику, освободили крестьян от феодальных пут. Французская республика 1792 года означала новый социальный режим, в отличие от немецкой республики 1918 года или испанской республики 1931 года, которые означают старый режим минус династии. В основе этого различия нетрудно найти аграрный вопрос.

Французский крестьянин непосредственно не думал о республике: он хотел сбросить помещика. Парижские республиканцы обычно забывали о деревне. Но только крестьянский натиск на помещиков обеспечивал создание республики, очищая для нее почву от феодального хлама. Республика с дворянством не есть республика. Это отлично понимал старик Макиавелли, который за четыреста лет до президентства Эберта в своей флорентийской ссылке, между охотой на дроздов и игрой в *tric trac* с мясником, обобщал опыт демократических переворотов: «Кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех». Русские мужики были, в сущности, того же мнения, и они это обнаружили открыто, без всякого «макиавеллизма».

Если Петроград и Москва играли руководящую роль в движении рабочих и солдат, то первое место в крестьянском движении надо отвести отсталому великорусскому земледельческому центру и среднему Поволжью. Здесь пережитки крепостничества сохранили особенно глубокие корни, дворянская собственность на землю носила наиболее паразитический характер, дифференциация крестьянства отставала, тем более обнажая нищету деревни. Вспыхнув в этой полосе уже в марте, движение сразу окрашивается террором. Усилиями правящих партий оно вводится вскоре в русло соглашательской политики.

На промышленно отсталой Украине сельское хозяйство, работавшее на экспорт, приобрело гораздо более прогрессивный, следовательно, более капиталистический характер. Расслоение крестьянства здесь зашло значительно дальше, чем в Великороссии. Борьба за национальное освобождение неизбежно тормозила, по крайней мере до поры до времени, другие виды социальной борьбы. Но различия областных и даже национальных условий выразились в конце концов лишь в различии сроков. К осени территорией крестьянского восстания становится почти вся страна. Из 624 уездов, составлявших старую Россию, движением захвачено 482 уезда, или 77 %; а без окраин, отличающихся особыми аграрными условиями, – Северного района, Закавказья, Степного края и Сибири – из 481 уезда в крестьянское восстание вовлечено 439 уездов, или 91 %.

Способы борьбы различаются, смотря по тому, идет ли дело о пашне, лесе, пастбищах, об аренде или наемном труде. Борьба меняет формы и методы на разных этапах революции. Но в общем движение деревни прошло, с неизбежным отставанием, через те же две большие стадии, что и движение городов. На первом этапе крестьянство приспособляется еще к новому режиму и пытается разрешить свои задачи через посредство новых учреждений. Однако и здесь дело идет больше о форме, чем о существе. Московская либеральная газета, окрашенная до революции в народнические цвета, с похвальной непосредственностью выражала самочувствие помещичьих кругов летом 1917 года. «Мужик смотрит вокруг, он пока ничего не делает, но взгляните в его глаза, и глаза говорят, что вся земля, которая лежит вокруг него, – его земля». Незаменимым ключом к «мирной» политике крестьянства является апрельская телеграмма одного из тамбовских сел Временному правительству: «Желаем сохранить спокойствие в интересах добытых свобод, а потому запретите сдавать земли помещиков до Учредительного собрания, иначе мы прольем кровь, а пахать ее другим не дадим».

Мужику тем удобнее было выдерживать тон почтительной угрозы, что в нажиме на исторические права ему почти не приходилось непосредственно наталкиваться на государство. На местах отсутствовали органы правительственной власти. Милицией распоряжались волостные комитеты. Суды находились в расстройстве. Местные комиссары были бессильны. «Мы тебя выбрали, – кричали им крестьяне, мы тебя и выгоним».

Развивая борьбу предшествующих месяцев, крестьянство в течение лета все ближе подходит к гражданской войне и левым своим крылом переступает через ее порог. По сообщению земельных собственников Таганрогского округа, крестьяне самовольно захватывают сенокос, отбирают землю, препятствуют запашкам, назначают произвольные арендные цены, устраняют хозяев и управляющих. По донесению нижегородского комиссара, насильственные действия и захваты земель и лесов в губернии участились. Уездные комиссары боятся оказаться в глазах крестьян защитниками крупных землевладельцев. Сельская милиция малонадежна: «Бывали случаи, когда чины милиции участвовали вместе с толпой в насилиях». В Шлиссельбургском уезде волостной комитет запрещает землевладельцам рубить собственный лес. Мысль крестьян проста: никакое Учредительное собрание не сможет возродить из пней срубленные деревья. Комиссар министерства двора жалуется на захват покосов: сено для дворцовых лошадей приходится покупать! В Курской губернии крестьяне поделили между собою удобренные паровые поля Терещенко – владелец состоит министром иностранных дел. Коннозаводчику Орловской губернии Шнейдеру крестьяне заявили, что не только выкосят в его имении клевер, но и самого его будто бы «сдадут в солдаты». Управляющему имения Родзянко волостной комитет приказывал уступить крестьянам покос: «Если вы не будете слушать земельного комитета, будет с вами поступлено иначе, будете вы арестованы». Подпись и печать.

Изо всех углов текут жалобы и вопли: от потерпевших, от местных властей, от благородных свидетелей. Телеграммы землевладельцев представляют собою самое блистатель-

ное опровержение грубых теорий классовой борьбы. Титулованные помещики, владельцы латифундий, духовные и светские крепостники заботятся исключительно об общем благе. Враг – не крестьянин, а большевики, иногда анархисты. Собственные имения интересуют лендлордов единственно лишь с точки зрения преуспевания отечества.

Триста членов кадетской партии из Черниговской губернии заявляют, что крестьяне, побуждаемые большевиками, снимают с работ военнопленных и производят самовольную уборку урожая; в результате угрожает «невозможность платить налоги». Смысл существования либеральные помещики видели в поддержании казначейства! Подольское отделение Государственного банка жалуется на самоуправство волостных комитетов, «председателями коих часто являются пленные австрийцы». Здесь говорит оскорбленный патриотизм. Во Владимирской губернии, в усадьбе нотариуса Одинцова, отбирается строительный материал, «заготовленный для благотворительных учреждений». Нотариусы живут только для дел человеколюбия! Епископ Подольский доносит на самоуправный захват леса, принадлежащего архиерейскому дому. Обер-прокурор жалуется на отобрание у Александровской лавры луговых земель. Игуменя Кизлярского монастыря призывает громы на членов местного Совета: вмешиваются в дела монастыря, конфискуют в свою пользу арендную плату, «возбуждают монахинь против начальства». Во всех этих случаях затронуты непосредственно интересы церкви. Граф Толстой, один из сыновей Льва Толстого, сообщает от имени Союза сельских хозяев Уфимской губернии, что передача земли местным комитетам, «не ожидая решения Учредительного собрания... вызовет взрыв недовольствия... среди крестьян-собственников, которых в губернии более двухсот тысяч». Родовитый помещик печется исключительно о меньшем брате. Сенатор Бельгардт, собственник Тверской губернии, готов примириться с лесными порубками, но скорбит по поводу того, что крестьяне «не желают подчиняться буржуазному правительству». Тамбовский помещик Вельяминов требует спасти два имения, которые «служат нуждам армии». Случайно эти имения оказываются его собственными. Для философов идеализма помещичьи телеграммы 1917 года представляют сущий клад. Материалист увидит в них скорее выставку образцов цинизма. Он прибавит, пожалуй, что великие революции отнимают у имущих даже возможность пристойного лицемерия.

Обращения потерпевших к уездным и губернским властям, к министру внутренних дел, к председателю Совета министров по общему правилу безрезультатны. У кого же просить помощи? У Родзянко, председателя Государственной думы. Между июльскими днями и корниловским восстанием камергер вновь чувствует себя влиятельной фигурой: многое делается по его телефонному звонку.

Чиновники министерства внутренних дел посылают на места циркуляры о предании виновных суду. Заскорузлые самарские помещики телеграфируют в ответ: «Циркуляры без подписи министров-социалистов силы не имеют». Так обнаруживается польза социализма. Церетели пришлось преодолеть застенчивость: 18 июля он посылает многословное предписание о принятии «скорых и решительных мер». Как и сами помещики, Церетели заботится только об армии и государстве. Крестьянам кажется, однако, что Церетели ограждает помещиков.

В усмирительных методах правительства наступает перелом. До июля применялось преимущественно заговаривание зубов. Если воинские отряды и посылались на места, то лишь в качестве прикрытия для правительственного оратора. После победы над петроградскими рабочими и солдатами кавалерийские команды, уже без уговаривателей, поступают непосредственно в распоряжение помещиков. В Казанской губернии, одной из наиболее беспокойных, удалось, по словам молодого историка Югова, только «путем арестов, ввода вооруженных команд в деревни, даже возрождения порки... заставить крестьян на время смириться». И в других местах репрессии не остаются без действия. Число пострадавших

помещичьих имений в июле несколько снизилось: с 516 до 503. В августе правительству удалось достигнуть дальнейших успехов: число неблагополучных уездов с 325 упало до 288, на 11 %; число захваченных движением имений уменьшилось даже на 33 %.

Некоторые районы, наиболее до сих пор беспокойные, затихают или отходят на второй план. Наоборот, районы, вчера еще благонадежные, сегодня вступают на путь борьбы. Всего месяц тому назад пензенский комиссар рисовал утешительную картину: «Деревня занята уборкой урожая... Идет подготовка к выборам в волостные земства. Период кризиса власти прошел спокойно. Образование нового правительства встречено с большим удовлетворением». В августе от этой идиллии уже не остается и следа: «Массовое хищение садов и порубки леса... Для ликвидации беспорядков приходится прибегать к вооруженной силе».

По общему характеру своему летнее движение все еще относится к «мирному» периоду. Однако в нем наблюдаются уже, правда слабые, но безошибочные, симптомы радикализации: если в первые четыре месяца случаи прямого нападения на помещичьи усадьбы убывают, с июля они начинают возрастать. Исследователи устанавливают в общем такую классификацию июльских столкновений в порядке убывающего ряда: захваты лугов, урожаяев, продовольствия и фуража, пашни, инвентаря; борьба из-за условий найма; разгромы имений. В августе: захваты урожаяев, запасов продовольствия и фуража, лугов и покосов, земель и леса; аграрный террор.

В начале сентября Керенский, в качестве Верховного главнокомандующего, повторяет в особом приказе недавние доводы и угрозы своего предшественника Корнилова против «насильственных действий» со стороны крестьян. Через несколько дней Ленин пишет: «Либо... вся земля крестьянам тотчас... Либо помещики и капиталисты... доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания». В течение ближайшего месяца это стало фактом.

Число имений, охваченных аграрными столкновениями, поднялось в сентябре, по сравнению с августом, на 30 %; в октябре, по сравнению с сентябрем, – на 43 %. На сентябрь и первые три недели октября приходится свыше трети всех зарегистрированных с марта аграрных столкновений. Решительность их выросла, однако, неизмеримо больше, чем их число. В первые месяцы даже прямые захваты различных угодий принимали вид сделок, смягченных и прикрытых соглашательскими органами. Теперь легальная маскировка отпадает. Каждая из отраслей движения принимает более дерзкий характер. От разных видов и степеней нажима крестьяне переходят к насильственному захвату составных частей помещичьего хозяйства, к разгрому барских гнезд, к поджогам усадеб, даже убийствам владельцев и управляющих.

Борьба за изменение условий аренды, в июне превышавшая по числу случаев разгромное движение, в октябре не составляет и 1/40 числа разгромов, причем и само арендное движение меняет свой характер, становясь лишь другой формой изгнания помещиков. Запрещение купли-продажи земли и леса уступает место прямому захвату. Массовые порубки и массовые потравы принимают характер намеренного уничтожения помещичьего добра. Случаев открытого разгрома имений зарегистрировано в сентябре 279; они уже составляют более восьмой части всех конфликтов. Октябрь дает свыше 42 % всех случаев разгрома, зарегистрированных милицией между Февральским и Октябрьским переворотами.

Особо ожесточенный характер приняла борьба из-за леса. Деревни часто выгорали дотла. Строевой лес крепко охранялся и продавался дорого. Мужик изголодался по дереву. К тому же настала пора запасаться на зиму дровами. Из Московской губернии, Нижегородской, Петроградской, Орловской, Волынской, со всех концов страны поступают жалобы на разгром лесов и захват готовых дровяных запасов. «Крестьяне самовольно и беспощадно рубят лес». «Крестьянами сожжено 200 десятин помещичьего леса». «Крестьяне Климовичского и Чериковского уездов уничтожают лес и губят озимые поля...» Лесная стража спасается

бегством. Стонет дворянский лес, щепки летят по всей стране. Мужичий топор отбивает в течение всей осени лихорадочный такт революции.

В районах, ввозящих хлеб, продовольственное положение еще резче, чем в городах. Не хватало не только пропитания, но и семян. В вывозящих районах, вследствие усиленной выкачки продовольственных ресурсов, положение было немногим лучше. Повышение твердых цен на зерновые хлеба ударило по бедноте. В ряде губерний начались голодные волнения, разгромы хлебных амбаров, нападения на продовольственные органы. Население переходило к суррогатам хлеба. Шли сообщения о заболеваниях цингой и тифом, о самоубийствах на почве безвыходности. Голод или призрак его делал особенно невыносимым соседство довольства и роскоши. Наиболее нуждающиеся слои деревни выдвигались в передние ряды.

Волны ожесточения поднимали со дна немало мути. В Костромской губернии «наблюдается черносотенная и антиеврейская агитация. Преступность развивается... Замечается упадок интереса к политической жизни страны». Последняя фраза в донесении комиссара означает: образованные классы поворачиваются спиной к революции. Неожиданно раздастся в Подольской губернии голос черносотенного монархизма: комитет села Демидовки не признает Временного правительства и «вернейшим вождем русского народа» считает государя Николая Александровича; если Временное правительство не уйдет, то «мы примкнем к немцу». Такие смелые признания, однако, единичны: монархисты из крестьян давно перекрасились вслед за помещиками. Местами, как в той же Подольской губернии, воинские части вместе с крестьянами громят винокурные заводы. Комиссар доносит об анархии. «Гибнут села и люди; гибнет революция». Нет, революция далека от гибели. Она прокладывает себе более глубокое русло. Ее неистовые воды приближаются к устью.

В ночь под 8 сентября крестьяне села Сычевки, Тамбовской губернии, с дубинами и вилами, идя со двора на двор, созывают всех от мала до велика громить помещика Романова. На сходе одна группа предлагает отобрать имение в порядке, разделить имущество между населением, постройки сохранить для культурных целей.

Беднота требует сжечь усадьбу, не оставлять камня на камне. Бедноты больше. В ту же ночь море огня охватило имения всей волости. Было сожжено все, что поддавалось пламени, даже опытное поле, вырезан племенной скот, «пьянствовали до безумия». Огонь перекидывается из волости в волость. Лапотное воинство не ограничивается уже патриархальными вилами и косами. Губернский комиссар телеграфирует: «Крестьяне и неизвестные лица, вооруженные револьверами и ручными гранатами, громят имения в Раненбургском и Ряжском уездах». Высокую технику в крестьянское восстание внесла война. Союз собственников доносит, что за три дня сожжено 24 имения. «Местные власти бессильны восстановить порядок». С запозданием прибыл отряд, посланный командующим войсками, введено военное положение, запрещены собрания, идут аресты зачинщиков. Овраги завалены помещичьим добром, реки поглощают немало награбленного.

Пензенский крестьянин Бегишев рассказывает: «В сентябре все поехали громить Логвина (его громили еще в 1905 году). К имению и от него тянулась вереница упряжек, сотни мужиков и баб стали угонять и увозить скот, хлеб и пр. Вытребованный Земской управой отряд пытался отбить кое-что из захваченного, но баб и мужиков собралось к волости около 500 человек, и отряд разъехался». Солдаты, очевидно, совсем не рвались восстанавливать погранные помещичьи права.

Начиная с последних чисел сентября, в Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, «крестьяне стали громить экономии, разгонять заведывающих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, мертвый инвентарь... Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались». «Сперва приходили только пешком, брали и носили, – рассказывает минский крестьянин Грунько, – а потом уже

позапрягали коней, кто имел, и целыми обозами возили. Не было розмина... Так возили и носили, как начали с 12 часов дня, двое суток днем и ночью без перебива. За эти двое суток очистили все». Захват имущества, по словам московского крестьянина Кузьмичева, оправдывали так: «Помещик был наш, мы ему работали, и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться». Некогда дворянин говорил крепостным: «Вы – мои, и все ваше – мое». Теперь крестьяне откликнулись: «Барин наш, и все добро наше».

«В некоторых местах стали тревожить помещиков по ночам, – вспоминает другой минский крестьянин Новиков. – Все чаще стали гореть помещичьи усадьбы». Дошла очередь до имения великого князя Николая Николаевича, бывшего Верховного главнокомандующего. «Когда забрали все то, что можно было забрать, то принялись ломать печи и выбирать вьюшки, вынимать полы и доски и все это таскать домой...» За этими разрушительными действиями стоял многовековой, тысячелетний расчет всех крестьянских войн: скрыть до основания укрепленные позиции врага, не оставить места, где он мог бы преклонить голову. «Более благоразумные, – вспоминает курский крестьянин Цыганков, – говорили: “Не нужно уничтожать постройки, они нам будут нужны... для школ и больниц”, но большинство было таких, которые кричали, что нужно все уничтожить, чтобы негде было укрываться на случай чего нашим врагам...» «Крестьяне захватывали все помещичье имущество, – рассказывает орловский крестьянин Савченко, – выгоняли помещиков из имений, выламывали в домах помещиков окна, двери, полы, потолки... Солдаты говорили, что если разорять волчьи гнезда, то нужно и волков подавить. Через такие угрозы главные и крупные помещики поскрывались, поэтому убийств помещиков не было».

В деревне Залесье, Витебской губернии, сожгли амбары с зерном и сеном в принадлежащем французу Барнаду имении. Мужики тем меньше склонны были разбираться в подданстве, что многие помещики спешили переводить свои земли на привилегированных иностранцев. «Французское посольство просит принять меры». В прифронтовой полосе в середине октября трудно было принимать «меры» даже и в угоду французскому посольству.

Разгром большого имения под Рязанью шел четыре дня, «в грабеже участвовали даже дети». Союз земельных собственников довел до сведения министров, что если не будут приняты меры, то «возникнут самосуды, голод и гражданская война». Непонятно, почему помещики о гражданской войне все еще говорят в будущем.

На съезде кооперации Беркенгейм один из вождей крепкого торгового крестьянства говорил в начале сентября: «Я убежден, что не вся еще Россия превратилась в сумасшедший дом, что пока обезумело главным образом население больших городов». Этот самодовольный голос солидной и консервативной части крестьянства безнадежно запоздал: как раз в этом месяце деревня окончательно сорвалась со всех петель благоразумия и неистовством борьбы далеко оставила за собой «сумасшедшие дома» городов.

В апреле Ленин считал еще возможным, что патриотические кооператоры и кулаки потянут за собой главную массу крестьянства на путь соглашения с буржуазией и помещиками. Тем неутомимее он настаивал на создании особых советов батрацких депутатов и на самостоятельной организации беднейших крестьян. Месяц за месяцем обнаруживал, однако, что эта часть большевистской политики не прививается. За вычетом Прибалтики, батрацких советов совершенно не было. Крестьянская беднота также не нашла самостоятельных форм организации. Объяснять это только отсталостью батраков и беднейших слоев деревни значило бы обходить существо дела. Главная причина коренилась в существовании самой исторической задачи: демократического аграрного переворота.

На двух важнейших вопросах – аренды и наемного труда – убедительнее всего обнаруживается, как общие интересы борьбы с пережитками крепостничества отрезали дорогу к самостоятельной политике не только бедноте, но и батракам. Крестьяне арендовали у помещиков в Европейской России 37 миллионов десятин, около 60 % всей частновладельческой

земли, и уплачивали ежегодную арендную дань в 400 миллионов рублей. Борьба против кабальных условий аренды стала после Февральского переворота важнейшим элементом крестьянского движения. Меньшее, но все же очень значительное место заняла борьба сельских рабочих, противопоставлявшая их не только помещицье, но и крестьянской эксплуатации. Арендатор боролся за облегчение условий аренды, рабочий – за улучшение условий труда. Оба они, каждый по-своему, исходили из признания помещика собственником и хозяином. Но с того момента, когда открылась возможность довести дело до конца, т. е. отобрать землю и самим сесть на нее, беднота переставала интересоваться вопросами аренды, а профессиональный союз начинал терять свою притягательную силу для батрака. Именно сельские рабочие и бедняки-арендаторы своим присоединением к общему движению придали крестьянской войне последнюю решительность и бесповоротность. Не с такой полнотой поход против помещиков захватывал и противоположный полюс деревни. Пока дело не доходило до открытого восстания, верхи крестьянства играли в движении видную, подчас руководящую роль. В осенний период зажиточные мужики со все возрастающим недоверием глядели на разлив крестьянской войны: они не знали, чем это кончится, у них было, что терять, – они отодвигались к стороне. Но отстраниться полностью им все же не удалось: деревня не позволила.

Замкнутее и враждебнее, чем «свои», общинные кулаки, держали себя стоявшие вне общины мелкие земельные собственники. Крестьян, владевших участками до 50 десятин, насчитывалось во всей стране 600 000 дворов. Они составляли во многих местах хребет кооперативов и политически тяготели, особенно на юге, к консервативному Крестьянскому союзу, составлявшему уже мост к кадетам. «Отрубники и богатые крестьяне, – по словам минского крестьянина Гулиса, – поддерживали помещиков, пытаясь унять крестьянство уговорами». Кое-где под влиянием местных условий борьба внутри крестьянства принимала свирепый характер уже до октябрьского переворота. Особенно жестоко страдали при этом отрубники. «Почти все хутора, – рассказывает нижегородский крестьянин Кузьмичев, – были сожжены, имущество их было частью уничтожено, а частью захвачено крестьянами». Отрубник был «помещичьим слугою, доверенным нескольких помещичьих лесных дач; был любимцем полиции, жандармерии и своих господ». Наиболее богатые крестьяне и торговцы некоторых волостей Нижегородского уезда скрылись осенью и вернулись на свои места лишь через два-три года.

Но в большей части страны внутренние отношения деревни далеко еще не достигали такой остроты. Кулаки вели себя дипломатично, тормозили и противодействовали, но старались не слишком противопоставлять себя «миру». Рядовая деревня со своей стороны очень ревниво следила за кулачеством, не давая ему объединяться с помещиками. Борьба между дворянами и крестьянами за влияние на кулака проходит через весь 1917 год в разнообразных формах, от «дружественного» воздействия до свирепого террора.

В то время как владельцы латифундий заискивающе открывали перед крестьянами-собственниками парадные двери дворянского собрания, мелкие землевладельцы демонстративно отмежевывались от дворян, чтобы не погибнуть вместе с ними. На языке политики это выражалось в том, что помещики, принадлежавшие до революции к крайним правым партиям, перекрашивались теперь в цвет либерализма, принимая его по старой памяти за защитный цвет, между тем как собственники из крестьян, нередко поддерживавшие раньше кадетов, теперь отодвигались влево.

Съезд мелких собственников Пермской губернии в сентябре резко отмежевывался от московского съезда землевладельцев, во главе которого стояли «графы, князья, бароны». Владелец 50 десятин говорил: «Кадеты никогда не ходили в армяках и лаптях и поэтому никогда не будут защищать наши интересы». Отталкиваясь от либералов, трудовые собственники искали таких «социалистов», которые стояли бы за собственность. Один из деле-

готов высказывался за социал-демократию. «...Рабочий? Дайте ему земли, он придет в деревню и перестанет харкать кровью. Социал-демократы у нас земли не отнимут». Речь шла, конечно, о меньшевиках. «Своей земли мы никогда не отдадим. Легко расстаться с ней тому, кому легко досталась она, как, например, помещику. Крестьянину же земля досталась тяжело».

В этот осенний период деревня боролась с кулаками, не отбрасывая их от себя, а, наоборот, заставляя их примыкать к общему движению и прикрывать его от ударов справа. Бывали даже случаи, когда уклонение от участия в разгроме каралось смертью ослушника. Кулак вилял, пока мог, но в последнюю минуту, почесав лишний раз в затылке, запрягал кованую телегу сытыми лошадьми и выезжал за своей долей. Нередко она оказывалась львиной. «Попользовались главным образом зажиточные, – рассказывает пензенский крестьянин Бегишев, – у которых были лошади и свободные люди». Почти теми же словами выражается и орловец Савченко: «Воспользовались большинство кулаки, которые были сыты и было чем возить...»

По подсчету Верменичева, на 4954 аграрных конфликта с помещиками в течение февраля – октября приходится всего 324 конфликта с крестьянской буржуазией. Замечательно яркое соотношение! Оно одно неоспоримо устанавливает, что крестьянское движение 1917 года в социальной основе своей было направлено не против капитализма, а против пережитков крепостничества. Борьба с кулачеством развернулась лишь позже, уже в 1918 году, после окончательной ликвидации помещиков. Чисто демократический характер крестьянского движения, который должен бы, казалось, придать официальной демократии несокрушимую силу, на самом деле полнее всего обнаружил ее гнилость. Если глядеть сверху, крестьянство сплошь возглавлялось эсерами, выбирало их, шло за ними, почти сливалось с ними. На майском съезде крестьянских советов Чернов получил при выборах в Исполнительный комитет 810 голосов, Керенский – 804, тогда как Ленин собрал всего-навсего 20 голосов. Недаром Чернов именовал себя селянским министром! Но недаром и стратегия сел круто разошлась со стратегией Чернова.

Хозяйственная разобщенность делает крестьян, столь решительных в борьбе с конкретным помещиком, бессильными пред обобщенным помещиком в лице государства. Отсюда органическая потребность мужика опереться на сказочное государство против реального. В старину он создавал самозванцев, спланивался вокруг мнимой золотой грамоты царя или вокруг легенды о праведной земле. После Февральской революции он объединялся вокруг эсеровского знамени «Земля и воля», ища в нем помощи против либерального помещика, ставшего комиссаром. Народническая программа относилась к реальному правительству Керенского, как поддельная царская грамота – к реальному самодержцу.

В программе эсеров всегда было много утопического: они собирались строить социализм на основе мелкого товарного хозяйства. Но основа программы была демократически-революционная: отобрание земли у помещиков. Став перед необходимостью выполнять программу, партия запуталась в коалиции. Против конфискации земли непримиримо восставали не только помещики, но и кадетские банкиры: под земельную собственность банки выдали не меньше 4 миллиардов рублей. Собираясь в Учредительном собрании поторговаться с помещиками насчет цены, но кончить полюбовно, эсеры усердно не подпускали мужика к земле. Они срывались, таким образом, не на утопическом характере своего социализма, а на своей демократической несостоятельности. Проверка их утопизма могла бы потребовать годов. Их измена аграрному демократизму стала ясна в течение месяцев: при правительстве эсеров крестьяне должны были становиться на путь восстания, чтобы выполнить программу эсеров.

В июле, когда правительство ударило по деревне репрессиями, крестьяне сгоряча бросились под прикрытие тех же эсеров: у Понтия-младшего они искали защиты от Пилата-

старшего. Месяц наибольшего ослабления большевиков в городах становится месяцем наибольшей экспансии эсеров в деревне. Как это обычно бывает, особенно в революционную эпоху, максимум организационного охвата совпал с началом политического упадка. Укрываясь за эсеров от ударов эсеровского правительства, крестьяне все больше теряли доверие и к правительству, и к партии. Так, разбухание эсеровских организаций в деревне стало смертельным для этой универсальной партии, которая снизу восставала, а сверху усмирляла.

В Москве на собрании Военной организации 30 июля делегат с фронта, сам эсер, говорил: хотя крестьяне все еще считают себя эсерами, но между ними и партией образовалась трещина. Солдаты подтверждали: под влиянием эсеровской агитации, крестьяне все еще враждебны к большевикам, но вопросы о земле и власти разрешают на деле по-большевистски. Работавший на Волге большевик Поволжский свидетельствует, что наиболее почтенные эсеры, участники движения 1905 года, все более чувствовали себя оттертыми: «Мужички звали их “стариками”, относились с внешним уважением, а голосовали по-своему». Голосовать и действовать «по-своему» учили деревню рабочие и солдаты.

Взвесить революционное влияние рабочих на крестьянство невозможно: оно имело постоянный, молекулярный, всюду проникающий и поэтому не поддающийся учету характер. Взаимопроникновение облегчалось тем, что значительная часть промышленных предприятий размещена в сельских местностях. Но даже и рабочие Петрограда, наиболее европейского из городов, сохраняли близкие связи с родными деревнями. Усилившаяся в летние месяцы безработица и локауты предпринимателей выбрасывали в деревню многие тысячи рабочих; большинство их становилось агитаторами и вожаками.

В мае – июне в Петрограде создаются рабочие землячества по отдельным губерниям, уездам, даже волостям. Целые столбцы в рабочей прессе посвящены объявлениям о земляческих собраниях, где заслушивались отчеты о поездках в деревню, составлялись наказы делегатам, изыскивались денежные средства на агитацию. Незадолго до переворота землячества объединились вокруг особого Центрального бюро под руководством большевиков. Земляческое движение распространилось вскоре на Москву, Тверь, вероятно, и на ряд других промышленных городов.

Однако в смысле непосредственного воздействия на деревню еще большее значение имели солдаты. Только в искусственных условиях фронта или городской казармы молодые крестьяне, преодолевая до известной степени свою разобщенность, становились лицом к лицу с проблемами национального масштаба. Политическая несамостоятельность давала, однако, знать себя и здесь. Неизменно подпадая под руководство патриотических и консервативных интеллигентов и стремясь освободиться от них, крестьяне пытались сплотиться в армии особо от других социальных групп. Власти относились к таким поползновениям неблагожелательно, военное министерство противодействовало, эсеры не шли навстречу, советы крестьянских депутатов прививались в армии слабо. Даже при самых благоприятных условиях крестьянин не в силах превратить свое подавляющее количество в политическое качество!

Только в крупных революционных центрах, под прямым воздействием рабочих, советы крестьян-солдат успели развернуть значительную работу. Так, крестьянский Совет в Петрограде с апреля 1917 по 1 января 1918 года послал в деревню 1395 агитаторов, которым были выданы специальные мандаты; столько же примерно выехало без мандатов. Делегаты объехали 65 губерний. В Кронштадте среди матросов и солдат создавались по примеру рабочих землячества, которые выдавали делегатам удостоверения в «праве» на бесплатный проезд по железным дорогам и на судах. Частные дороги принимали такие свидетельства безропотно, на казенных возникали конфликты.

Официальные делегаты организаций были все же каплями в крестьянском океане. Неизмеримо большую работу выполнили те сотни тысяч и миллионы солдат, которые само-

вольно покидали фронт и тыловые гарнизоны, унося в ушах крепкие лозунги митинговых речей. Молчуны на фронте становились у себя в деревне говорунами. Недостатка в жадных слушателях не было. «Среди крестьянства, окружавшего Москву, – рассказывает один из московских большевиков, Муралов, – происходил громадный сдвиг влево... Московские села и деревни кишели дезертирами с фронта. Туда же проникал и столичный пролетарий, не порвавший еще связи с деревней». Дремавшую калужскую деревню, по рассказу крестьянина Наумченкова, «разбудили солдаты, прибывавшие с фронта по разным причинам в период июня – июля». Нижегородский комиссар доносил, что «все правонарушения и беззакония имеют связь с появлением в пределах губернии дезертиров, отпускных солдат или делегатов от полковых комитетов». Главноуправляющий именными княгини Барятинской Золотоношского уезда жалуется в августе на самоуправство земельного комитета, где председательствует кронштадтский матрос Гатран. «Прибывшими в отпуск солдатами и матросами, – доносит комиссар Бугульминского уезда, – ведется агитация с целью создать анархию и погромное настроение». «В Мглинском уезде, в селе Белогош, приехавший матрос самовольно запретил заготовку и вывозку дров и шпал из леса». Если не солдаты начинали борьбу, то они ее заканчивали. В Нижегородском уезде мужики теснили женский монастырь, косили луга, разломали заборы, не давали монашкам проходу. Настоятельница не сдавалась, милиционеры увозили мужиков на расправу. «Так дело тянулось, – пишет крестьянин Арбеков, – до прихода солдат. Фронтвики сразу взяли быка за рога»: монастырь был очищен. В Могилевской губернии, по словам крестьянина Бобкова, «солдаты, которые вернулись с фронта домой, были первыми вожаками в комитетах и руководили изгнанием помещиков».

Фронтвики вносили в дело тяжелую решимость людей, привыкших обращаться с винтовкой и штыком против человека. Даже солдатские жены перенимали от мужей боевые настроения. «В сентябре, – рассказывает пензенский крестьянин Бегишев, – сильное было движение баб-солдаток, которые выступали на судах за разгром». То же наблюдалось в других губерниях. Солдатки и в городах являлись нередко бродилом.

Таких случаев, когда во главе крестьянских беспорядков оказывались солдаты, произошло, по подсчету Верменичева, в марте – 1 %, в апреле – 8, в сентябре – 13, в октябре – 17 %. Такой подсчет не может претендовать на точность, но общую тенденцию он указывает безошибочно. Умеряющее руководство эсеровских учителей, писарей и чиновников заменялось руководством ни перед чем не останавливающимся солдат.

Выдающийся в свое время немецкий марксистский писатель Парвус, который сумел во время войны приобрести богатство, но растерять принципы и проницательность, сравнивал русских солдат со средневековыми ландскнехтами, грабителями и насильниками. Для этого нужно было не видеть, что, при всех своих бесчинствах, русские солдаты оставались лишь исполнительным органом величайшей в истории аграрной революции.

Пока движение не порывало окончательно с легальностью, посылка войск в деревни сохраняла символический характер. Применять на деле в качестве усмирителей можно было почти только казаков. «В Сердобский уезд отправлено 400 казаков... Эта мера подействовала успокоительно. Крестьяне заявляют, что будут ждать Учредительного собрания», – пишет 11 октября либеральное «Русское слово». 400 казаков – несомненный довод за Учредительное собрание! Но казаков не хватало, к тому же и они расшатывались. Между тем правительство вынуждалось все чаще принимать «решительные меры». В первые четыре месяца Верменичев насчитывает 17 случаев посылки военной силы против крестьян; в июле и августе – 39 случаев, в сентябре и октябре – 105 случаев.

Усмирять крестьян вооруженной силой значило заливать пожар маслом. Солдаты в большинстве случаев переходили на сторону крестьян. Уездный комиссар Подольской губернии доносит: «Войсковые организации и даже отдельные части разрешают социальные и экономические вопросы, заставляют (?) крестьян производить захваты и рубить лес,

а иногда, местами, сами участвуют в грабежах... Местные войсковые части отказываются принимать участие в прекращении насилий...». Так восстание деревни разрушало последние скрепы в армии. Не могло быть и речи о том, чтобы в условиях крестьянской войны, возглавленной рабочими, армия позволила себя бросить против восстания в городах.

От рабочих и солдат крестьяне впервые узнавали новое, не то, что им говорили эсеры, о большевиках. Лозунги Ленина и его имя проникают в деревню. Все участвующие жалобы на большевиков имеют, однако, во многих случаях вымышленный или преувеличенный характер: помещики надеются таким путем скорее добиться помощи. «В Островском уезде полная анархия вследствие пропаганды большевизма». Из Уфимской губернии: «Член волостного комитета Васильев распространяет программу большевиков и открыто заявляет, что помещики будут повешены». Ищущий «защиты от грабежа» новгородский помещик Полонник не забывает присовокупить: «исполнительные комитеты переполнены большевиками»; это значит – недоброжелателями помещика. «В августе, – вспоминает симбирский крестьянин Зуморин, – по селам стали ездить рабочие, агитировали за партию большевиков, рассказали об ее программе». Следователь Себежского уезда ведет дело о прибывшей из Петрограда ткачихе Татьяне Михайловой, 26 лет, которая призывала в своем селе «к свержению Временного правительства и восхваляла тактику Ленина». В Смоленской губернии к концу августа, как свидетельствует крестьянин Котов, «Лениным стали интересоваться, к голосу Ленина стали прислушиваться»... В волостные земства все еще, однако, выбираются в громадном большинстве эсеры.

Большевицкая партия старается ближе подойти к крестьянину. 10 сентября Невский требует от Петроградского комитета приступить к изданию крестьянской газеты: «Надо поставить дело так, чтобы не пережить того, что пережила французская коммуна, когда крестьянство не поняло Парижа, а Париж не понял крестьянства». Газета «Бедного» стала вскоре выходить. Но чисто партийная работа в крестьянстве оставалась все же незначительной. Сила большевицкой партии была не в технических средствах, не в аппарате, а в правильной политике. Как воздушные течения разносят семена, так вихри революции разносили идеи Ленина.

«К сентябрю месяцу, – вспоминает тверской крестьянин Воробьев, – на собраниях все чаще и смелее в защиту большевиков начинают выступать уже не фронтовики, а сами крестьяне-бедняки...» «Среди бедноты и некоторых середняков, – подтверждает симбирский крестьянин Зуморин, – имя Ленина не сходило с уст, только и разговору было о Ленине». Новгородский крестьянин Григорьев рассказывает о том, как эсер в волости назвал большевиков «захватчиками» и «предателями». Как загудели мужики: «Долой собаку, бей его булыжником! Сказки нам не говори – где земля? Довольно! Давай большевика!» Возможно, впрочем, что этот эпизод – таких и подобных было немало – относится уже к послеоктябрьскому периоду: в крестьянских воспоминаниях крепко стоят факты, но слаба хронология.

Солдата Чиненова, привезшего к себе в Орловскую губернию сундук с большевицкой литературой, родная деревня встретила неприветливо: наверно, германское золото. Но в октябре «волостная ячейка имела до 700 членов, много винтовок и всегда шла на защиту советской власти». Большевик Врачев рассказывает, как крестьяне чисто земледельческой Воронежской губернии, «очнувшись от эсеровского угара, стали интересоваться нашей партией, благодаря чему мы уже имели немало сельских и волостных ячеек, подписчиков на свои газеты и принимали многих ходоков в тесном помещении своего комитета». В Смоленской губернии, по воспоминаниям Иванова, «в деревнях большевики были очень редки, в уездах их было очень мало, газет большевицких не было, листки издавались очень редко... И тем не менее, чем ближе было к октябрю, тем деревня все более и более поворачивала к большевикам...»

«В тех уездах, где до октября было большевистское влияние в советах, – пишет тот же Иванов, – стихия разгрома помещичьих имений или не проявлялась, или проявлялась в слабой степени». Дело, однако, обстояло на этот счет не везде одинаково. «Требования большевиков о передаче земли крестьянам, – рассказывает, например, Тадеуш, – особенно быстро воспринимались массой крестьян Могилевского уезда, которые громили имения, а некоторые жгли, забирали покосы, леса». Противоречия между этими показаниями, в сущности, нет. Общая агитация большевиков, несомненно, питала гражданскую войну в деревне. Но там, где большевики успевали пустить более прочные корни, они, естественно, стремились, не ослабляя крестьянского натиска, упорядочить его формы и уменьшить разрушения.

Земельный вопрос не стоял особняком. Крестьянин страдал, особенно в последний период войны, как продавец и как покупатель: хлеб у него забирали по твердым ценам, продукты промышленности становились все недоступнее. Проблема экономического соотношения деревни и города, которой предстоит впоследствии под именем «ножниц» стать центральной проблемой советского хозяйства, показывает уже свой грозный облик. Большевики говорили крестьянину: советы должны взять власть, передать тебе землю, кончить войну, демобилизовать промышленность, установить рабочий контроль над производством, регулировать взаимоотношение цен промышленных и земледельческих продуктов. Как ни суммарен был этот ответ, но он намечал путь. «Средостением между нами и крестьянством, – говорил Троцкий 10 октября на конференции завкомов, – являются авксентьевские советчики. Нужно пробить эту стену. Нужно объяснить деревне, что все попытки рабочего помочь крестьянину снабжением деревни сельскохозяйственными орудиями будут безрезультатны до тех пор, пока не будет установлен рабочий контроль над организованным производством». В этом духе конференция выпустила манифест к крестьянам.

Петроградские рабочие создали тем временем на заводах особые комиссии, которые собирали металл, браковочные части и обрезки в распоряжение специального центра «Рабочий – крестьянину». Лом шел на выделку простейших земледельческих орудий и запасных частей. Это первое плановое вторжение рабочих в ход производства, еще незначительное по объему, с перевесом агитационных целей над экономическими, приоткрывало, однако, перспективу близкого будущего. Испуганный вторжением большевиков в заповедную область деревни крестьянский Исполнительный комитет сделал попытку овладеть новым начинанием. Но тягаться с большевиками на городской арене было совсем уже не под силу одряхлевшим соглашателям, которые и в деревне теряли почву под ногами.

Эхо агитации большевиков «настолько взбудоражило бедняцкое крестьянство, – писал впоследствии тверской крестьянин Воробьев, – что можно определенно сказать: не будь Октября в октябре, он был бы в ноябре». Эта красочная характеристика политической силы большевизма не находится ни в каком противоречии с фактом его организационной слабости. Через такие острые диспропорции только и может прокладывать себе дорогу революция. Именно поэтому, к слову сказать, ее движение невозможно вогнать в рамки формальной демократии. Чтобы аграрный переворот мог совершиться в октябре или ноябре, крестьянству не оставалось ничего другого, как использовать расползающуюся ткань все той же партии эсеров. Левые ее элементы спешно и беспорядочно группируются под натиском крестьянского восстания, тянутся за большевиками и соперничают с ними. В течение ближайших месяцев политический сдвиг крестьянства пойдет главным образом под лоскутным знаменем левых эсеров: эта эфемерная партия становится отраженной и неустойчивой формой деревенского большевизма, временным мостом от крестьянской войны к пролетарскому перевороту.

Аграрная революция нуждалась в собственных органах на местах. Как они выглядели? В деревне существовали организации нескольких типов: государственные, как исполнительные комитеты волостей, земельные и продовольственные комитеты; общественные, как

советы; чисто политические, как партии; наконец, органы самоуправления в лице волостного земства. Крестьянские советы успели развернуться только в губернском, отчасти в уездном масштабе; волостных советов было мало. Волостные земства туго прививались. Наоборот, земельные и исполнительные комитеты, по замыслу, государственные органы, становились, как это ни странно на первый взгляд, органами крестьянской революции.

Главный земельный комитет, состоявший из чиновников, помещиков, профессоров, ученых-агрономов, эсеровских политиков, с примесью сомнительных крестьян являлся, по существу, центральным тормозом аграрной революции. Губернские комитеты не переставали быть проводниками правительственной политики. Комитеты в уездах качались между крестьянами и начальством. Зато волостные комитеты, выбиравшиеся крестьянами и работавшие тут же, на глазах села, становились орудием аграрного движения. То обстоятельство, что члены комитетов обычно причисляли себя к эсерам, не меняло дела: они равнялись по мужицкой избе, а не по дворянской усадьбе. Крестьяне особенно ценили государственный характер своих земельных комитетов, видя в нем своего рода патент на гражданскую войну.

«Крестьяне говорят, что, кроме волостного комитета, они никого не признают, – жалуются уже в мае один из начальников милиции Саранского уезда, – все же уездные и городские комитеты работают-де на руку землевладельцам». По словам нижегородского комиссара, «попытки некоторых волостных комитетов бороться с самовольными действиями крестьян почти всегда оканчиваются неудачей и ведут за собой смену всего состава». «Комитеты всегда были, по словам псковского крестьянина Денисова, на стороне крестьянского движения против помещиков, так как в них же и была избрана самая революционная часть крестьянства и солдаты-фронтовики».

В уездных и особенно губернских комитетах руководила чиновничья «интеллигенция», стремившаяся сохранять мирные отношения с помещиками. «Крестьяне видели, – пишет московский крестьянин Юрков, – что это та же самая шуба, но вывернутая, та же самая власть, но переименованная». «Наблюдается, – доносит курский комиссар, – стремление... к переизбранию уездных комитетов, которые неуклонно проводят в жизнь распоряжения Временного правительства». Однако добраться до уездного комитета крестьянину было очень трудно: политическую связь сел и волостей обеспечивали эсеры, так что крестьянам приходилось действовать через партию, главная миссия которой состояла в выворачивании старой шубы.

Изумляющая на первый взгляд холодность крестьянства к мартовским советам имела на самом деле глубокие причины. Совет представляет не специальную, как земельный комитет, а универсальную организацию революции. Но в области общей политики крестьянин шагу не может ступить без руководства. Весь вопрос в том, откуда оно исходит. Губернские и уездные крестьянские советы строились по инициативе и в значительной мере на средства кооперации не как органы крестьянской революции, а как орудия консервативной опеки над крестьянством. Деревня терпела над собою правоэсерские советы как щит против власти. У себя дома она предпочитала земельные комитеты.

Чтобы помешать деревне замкнуться в круг «чисто крестьянских интересов», правительство торопило с созданием демократических земств. Уже это одно должно было заставить мужика насторожиться. Выборы приходилось нередко навязывать. «Были случаи правонарушений, – доносит пензенский комиссар, – вследствие чего выборы срывались». В Минской губернии крестьяне арестовали председателя волостной избирательной комиссии князя Друцкого-Любецкого, обвинив его в подмене списков: нелегко было мужикам сговориться с князем о демократическом разрешении векового спора. Бугульминский уездный комиссар доносит: «Выборы в волостные земства по уезду прошли не совсем планомерно... Состав выборных гласных исключительно крестьянский, заметно отчуждение от местной интеллигенции, особенно землевладельцев». В таком виде земства немногим отличались от

комитетов. «К интеллигенции и особенно к землевладельцам, – жалуется минский губернский комиссар, – отношение со стороны крестьянской массы отрицательное». В могилевской газете от 23 сентября можно прочитать: «Интеллигентская работа в деревне сопряжена с риском, если категорически не обещать содействовать немедленной передаче всей земли крестьянам». Где соглашение, даже общение между основными классами становится невозможным, там исчезает почва для учреждений демократии. Мертворожденность волостных земств безошибочно предвещала крушение Учредительного собрания.

«У местного крестьянства, – доносил нижегородский комиссар, – укрепилось сознание, что все гражданские законы утратили свою силу и что все правоотношения теперь должны регулироваться крестьянскими организациями». Распоряжаясь на местах милицией, волостные комитеты издавали местные законы, устанавливали арендные цены, регулировали заработную плату, ставили в имениях своих управляющих, забирали в свои руки землю, покосы, леса, инвентарь, отбирали у помещиков оружие, производили обыски и аресты. Голос столетий и свежий опыт революции одинаково говорили мужику, что вопрос о земле есть вопрос силы. Для аграрного переворота нужны были органы крестьянской диктатуры. Мужик не знал еще этого латинского слова. Но мужик знал, чего хочет. Та «анархия», на какую жаловались помещики, либеральные комиссары и соглашательские политики, была на самом деле первым этапом революционной диктатуры в деревне.

Необходимость создания особых чисто крестьянских органов земельного переворота на местах Ленин отстаивал еще во время событий 1905–1906 годов. «Крестьянские революционные комитеты, – доказывал он на съезде партии в Стокгольме, – есть единственный путь, которым только и может идти крестьянское движение». Мужик не читал Ленина. Но зато Ленин хорошо читал в мыслях мужика.

Деревня меняет свое отношение к советам только к осени, когда сами советы меняют свой политический курс. Большевистские и левозэсеровские советы в уездном или губернском городе уже не сдерживают крестьян, наоборот, толкают их вперед. Если в первые месяцы деревня искала у соглашательских советов легального прикрытия, чтобы затем прийти во враждебное столкновение с ними, то теперь она в революционных советах впервые стала находить настоящее руководство. Саратовские крестьяне писали в сентябре: «Власть должна перейти по всей России в руки... советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Так будет надежнее». Только к осени крестьянство начинает связывать свою земельную программу с лозунгом власти советов. Но и здесь еще оно не знает, кто и как эти советы направит. Аграрные волнения имели в России свою большую традицию, свою простую, но яркую программу, своих местных мучеников и героев. Грандиозный опыт 1905 года не прошел бесследно и для деревни. К этому надо прибавить работу сектантской мысли, охватывавшей миллионы крестьян. «Я знавал, – пишет осведомленный автор, – многих крестьян, воспринявших... Октябрьскую революцию, как прямое осуществление своих религиозных чаяний». Из всех известных историй крестьянских восстаний движение русского крестьянства 1917 года было, несомненно, в наибольшей мере оплодотворено политическими идеями. Если оно тем не менее оказалось не способно создать самостоятельное руководство и взять в собственные руки власть, то причины этого заложены в органической природе изолированного мелкого и рутинного хозяйства: высасывая из мужика все соки, оно не наделяло его взамен способностью обобщения.

Политическая свобода крестьянина означает на практике свободу выбирать между разными городскими партиями. Но и этот выбор не производится априорно. Своим восстанием крестьянство толкает большевиков к власти. Но, только завоевав власть, большевики смогут завоевать крестьянство, превратив аграрную революцию в закон рабочего государства.

Группа исследователей под руководством Яковлева произвела крайне ценную классификацию материалов, характеризующих эволюцию аграрного движения от февраля к

октябрю. Приняв число неорганизованных выступлений в каждом месяце за 100, исследователи подсчитали, что «организованных» конфликтов приходилось на апрель 33, на июнь – 86, на июль – 120. Это и был момент наивысшего расцвета эсеровских организаций в деревне. В августе на 100 неорганизованных конфликтов приходится уже только 62 организованных, а в октябре – всего навсего 14. Из этих цифр, чрезвычайно поучительных при всей их условности, Яковлев делает, однако, совершенно неожиданный вывод: если до августа движение становилось все более «организованным», то осенью, наоборот, оно приобретает все более «стихийный характер». К той же формуле приходит другой исследователь, Верменичев: «Снижение доли организованного движения в период предоктябрьской волны свидетельствует о стихийности движения в эти месяцы». Если стихийность противопоставлять сознательности, как слепоту зрячести, – а это есть единственно научное противопоставление, – то пришлось бы прийти к выводу, что сознательность крестьянского движения до августа повышается, а затем начинает падать, чтобы совсем исчезнуть в момент октябрьского восстания. Этого наши исследователи явно не хотели сказать. При сколько-нибудь вдумчивом отношении к вопросу нетрудно понять, что, например, крестьянские выборы в Учредительное собрание, несмотря на их внешнюю «организованность», имели несравненно более «стихийный», т. е. неразумный, стадный, слепой, характер, чем «неорганизованный» крестьянский поход против помещика, где каждый крестьянин ясно знал, чего хочет.

На осеннем перевале крестьянство порывало не с сознательностью ради стихийности, а с соглашательским руководством ради гражданской войны. Упадок организованности имел, по существу, внешний характер: соглашательские организации отпадали, но после них оставалось вовсе не пустое место. Выход на новую дорогу происходил под непосредственным руководством наиболее революционных элементов: солдат, матросов, рабочих. Приступая к решительным действиям, крестьяне созывали нередко общее собрание и даже заботились о том, чтобы постановление было подписано всеми односельчанами. «В осенний период крестьянского движения с его разгромными формами, – пишет третий исследователь, Шестаков, – чаще выступает на сцену старый “сход” крестьян... Сходом же делит крестьянство отобранное добро, через сход ведет переговоры с помещиками и администрацией имений, с уездными комиссарами и разного рода усмирителями...»

Почему сходят со сцены волостные комитеты, которые вплотную подвели крестьян к гражданской войне, на этот счет в материалах нет прямых указаний. Но объяснение напрашивается само собою. Революция крайне быстро изнашивает свои органы и орудия. Уже вследствие того что земельные комитеты руководили полумирными действиями, они должны были оказаться малопригодны для прямого штурма. Общая причина дополняется частными, но не менее вескими. Выступая на путь открытой войны с помещиками, крестьяне слишком хорошо знали, что грозит им в случае поражения. Немало земельных комитетов и без того уже сидело у Керенского под замком. Рассредоточить ответственность становилось необходимым требованием тактики. Наиболее пригодной формой для этого являлся «мир». В том же направлении действовала, несомненно, и обычная недоверчивость крестьян друг к другу: дело шло теперь о прямом захвате и дележе помещичьего добра, каждый хотел участвовать сам, не передоверяя никому своих прав. Так высшее обострение борьбы вело к временному отстранению представительных органов первобытной крестьянской демократией в виде схода и мирского приговора.

Грубая сбивчивость в определении характера крестьянского движения должна казаться особенно неожиданной под пером большевистских исследователей. Но нельзя забывать, что дело идет о большевиках нового склада. Бюрократизация мышления неизбежно ведет к переоценке тех форм организации, какие навязывались крестьянству сверху, и недооценке тех, которые крестьянство само себе давало. Просвещенный чиновник вслед за либеральным профессором рассматривает общественные процессы под углом зрения управления.

В качестве народного комиссара земледелия Яковлев проявил впоследствии тот же суммарно-бюрократический подход к крестьянству, но уже в неизмеримо более широкой и ответственной области, именно при проведении «сплошной коллективизации». Теоретическая поверхность жестоко мстит за себя, когда дело идет о практике большого масштаба!

Но до ошибок сплошной коллективизации остается еще добрых тринадцать лет. Сейчас дело идет только об экспроприации земельной собственности. 134 000 помещиков еще дрожат над своими 80 миллионами десятин. Наиболее угрожаемым является положение верхушки, 30 тысяч господ старой России, которые владеют 70 миллионами десятин, свыше 2000 десятин в среднем на владельца. Дворянин Боборыкин пишет камергеру Родзянко: «Я – помещик, и в моей голове как-то не укладывается, чтобы я лишился моей земли, да еще для самой невероятной цели: для опыта социалистических учений». Но революция и имеет задачей совершить то, что не укладывается у правящих в головах.

Более дальновидные помещики не могут, однако, не видеть, что имений им не удержат. Они уже и не стремятся к этому: чем скорее развяжутся с землей, тем лучше. Учредительное собрание представляется им прежде всего как большая расчетная палата, где государство возместит их не только за землю, но и за тревожения. Крестьяне-собственники примыкали к этой программе слева. Они не прочь были прикончить паразитическое дворянство, но опасались расшатать понятие земельной собственности. Государство достаточно богато, заявляли они на своих съездах, чтобы заплатить помещикам каких-нибудь 12 миллиардов рублей. В качестве «крестьян» они рассчитывали при этом воспользоваться на льготных условиях помещичьей землицей, оплаченной за счет народа.

Собственники понимали, что размер выкупных платежей есть политическая величина, которая будет определена соотношением сил к моменту расплаты. До конца августа оставалась надежда на то, что созванное по-корниловски Учредительное собрание проведет линию аграрной реформы между Родзянко и Милюковым. Крушение Корнилова означало, что имущие классы проиграли игру.

В течение сентября и октября помещики ждут развязки, как безнадежно больной ждет смерти. Осень есть время мужицкой политики. Убраны поля, развеяны иллюзии, утрачено терпение. Пора кончать! Движение выходит из берегов, захватывает все районы, стирает местные особенности, вовлекает все слои деревни, смывает все соображения закона и осторожности, становится наступательным, неистовым, свирепым, бешеным, вооружается железом и огнем, револьвером и гранатой, сокрушает и выжигает усадьбы, изгоняет помещиков, очищает землю, кое-где поливает ее кровью.

Гибнут дворянские гнезда, воспетые Пушкиным, Тургеневым и Толстым. Дымом исходит старая Россия. Либеральная пресса собирает стенания и вопли о разрушении английских садов, картин крепостной кисти, родовых библиотек, тамбовских партенонов, скаковых лошадей, старинных гравюр, племенных быков. Буржуазные историки пытаются возложить на большевиков ответственность за «вандализм» крестьянской расправы над дворянской «культурой». На самом деле русский мужик завершал дело, начатое за много столетий до появления на свет большевиков. Свою прогрессивную историческую задачу он выполнял теми единственными способами, которые были в его распоряжении, – революционным варварством он искоренял варварство средневековья. К тому же ни сам он, ни деда его, ни прадеды никогда не видели ни милости, ни снисхождения.

Когда феодалы взяли верх над жакерией, на четыре с половиной века опередившей освобождение французских крестьян, благочестивый монах записал в своей хронике: «Они причинили столько зла стране, что не было нужды в приходе англичан для разрушения королевства; те никогда не могли бы сделать того, что сделали дворяне Франции». Только буржуазия – в мае 1871 года – превзошла по свирепости французских дворян. Русские крестьяне

благодаря руководству рабочих, русские рабочие благодаря поддержке крестьян избежали этого двойного урока защитников культуры и человечности.

Взаимоотношения между основными классами России нашли свое воспроизведение в деревне. Как против монархии дрались рабочие и солдаты наперекор планам буржуазии, так против помещиков смелее всего поднималась беднота, не слушая предостережений кулака. Как соглашатели верили, что революция станет прочно на ноги лишь с момента, когда Милюков признает ее, так озирающемуся направо и налево середняку представлялось, что подпись кулака узаконяет захваты. Подобно тому, наконец, как враждебная революции буржуазия не задумалась присвоить себе власть, так кулаки, противодействовавшие разгрому, не отказались воспользоваться его плодами. Власть в руках буржуа, как и помещичье добро в руках кулака, удержались недолго – в обоих случаях в силу однородных причин.

Могущество аграрно-демократической, по существу буржуазной революции выразилось в том, что она преодолела на время классовые противоречия села: батрак громил помещика, помогая кулаку. XVII, XVIII и XIX века русской истории поднялись на плечах XX века и пригнули его к земле. Слабость запоздалой буржуазной революции выразилась в том, что крестьянская война не толкнула буржуазных революционеров вперед, а, наоборот, окончательно отбросила их в лагерь реакции: вчерашний каторжанин Церетели охранял помещичью землю от анархии! Отброшенная буржуазией крестьянская революция смыкалась с промышленным пролетариатом. Этим самым XX век не только высвобождался из-под навалившихся на него прошлых веков, но на плечах их поднимался на новую историческую высоту. Чтобы крестьянин мог очистить и разгородить землю, во главе государства должен был стать рабочий – такова простейшая формула Октябрьской революции.

Национальный вопрос

Язык – важнейшее орудие связи человека с человеком, а следовательно, и хозяйства. Он становится национальным языком вместе с победой товарного оборота, объединяющего нацию. На этой основе складывается национальное государство, как наиболее удобная, выгодная, нормальная арена капиталистических отношений. В Западной Европе эпоха формирования буржуазных наций, если оставить в стороне борьбу Нидерландов за независимость и судьбу островной Англии, началась с Великой французской революции и в основном завершилась примерно в течение столетия, с образованием Германской империи.

Но в тот период, когда национальное государство в Европе уже перестало вмещать производительные силы и перерастало в империалистское государство, на Востоке – в Персии, на Балканах, в Китае, Индии – только еще открывалась эра национально-демократических революций, толчок которым был дан русской революцией 1905 года. Балканская война 1912 года представляла завершение формирования национальных государств на юго-востоке Европы. Последовавшая затем империалистская война попутно доделала в Европе недоделанную работу национальных революций, приведя к расчленению Австро-Венгрии, к созданию независимой Польши и пограничных государств, выделившихся из империи царей.

Россия сложилась не как национальное государство, а как государство национальностей. Это отвечало ее запоздалому характеру. На основе экстенсивного сельского хозяйства и кустарного ремесла торговый капитал развивался не вглубь, не преобразуя производство, авширь, увеличивая радиус своих операций. Торговец, помещик и чиновник продвигались от центра к периферии, вслед за расселявшимися крестьянами, которые в поисках свежей земли и свободы от поборов проникали на новые территории с еще более отсталыми племенами. Экспансия государства была в основе своей экспансией сельского хозяйства, которое, при всей своей первобытности, обнаруживало превосходство над кочевниками Юга и Востока. Сформировавшееся на этой необъятной и неизменно расширявшейся базе сословно-бюрократическое государство стало достаточно сильным, чтобы подчинять себе на Западе отдельные нации более высокой культуры, но не способные, в силу малочисленности или внутреннего кризиса, отстоять свою самостоятельность (Польша, Литва, Прибалтика, Финляндия).

К 70 миллионам великороссов, составивших главный массив страны, прибавилось постепенно около 90 миллионов «инородцев», которые резко делились на две группы: западных, превосходящих великороссов своей культурой, и восточных, стоящих на более низком уровне. Так сложилась империя, в составе которой господствующая национальность составляла лишь 43 % населения, а 57 %, в том числе 17 % украинцев, 6 % поляков, 41/2 % белорусов, падали на национальности различных степеней культуры и бесправия.

Жадная требовательность государства и скудость крестьянской базы под господствующими классами порождали самые ожесточенные формы эксплуатации. Национальный гнет в России был несравненно грубее, чем в соседних государствах не только по западную, но и по восточную границу. Многочисленность неправых наций и острота бесправия сообщали национальной проблеме в царской России огромную взрывчатую силу.

Если в национально однородных государствах буржуазная революция развивала могучие центробежные тенденции, проходя под знаменем преодоления партикуляризма, как во Франции, или национальной раздробленности, как в Италии и Германии, то в национально разнородных государствах, как Турция, Россия, Австро-Венгрия, запоздалая буржуазная революция разнуздывала, наоборот, центростремительные силы. Несмотря на видимую противоположность этих процессов, выраженных в терминах механики, их историческая функция одинакова, поскольку в обоих случаях дело идет о том, чтобы использовать нацио-

нальное единство как основной хозяйственный резервуар: Германию нужно было для этого объединить, Австро-Венгрию, наоборот, – расчленивать. Неизбежность развития центробежных национальных движений в России Ленин учел заблаговременно и в течение ряда лет упорно боролся, в частности против Розы Люксембург, за знаменитый параграф 9 старой партийной программы, формулировавший право наций на самоопределение, т. е. на полное государственное отделение. Этим большевистская партия вовсе не брала на себя проповедь сепаратизма. Она обязывалась лишь непримиримо сопротивляться всем и всяким видам национального гнета, в том числе и насильственному удержанию той или другой национальности в границах общего государства. Только таким путем русский пролетариат мог постепенно завоевать доверие угнетенных народностей.

Но это была лишь одна сторона дела. Политика большевизма в национальной области имела и другую сторону, как бы противоречащую первой, а на самом деле дополняющую ее. В рамках партии и вообще рабочих организаций большевизм проводил строжайший централизм, непримиримо борясь против всякой заразы национализма, способной противопоставить рабочих друг другу или разъединить их. Начисто отказывая буржуазному государству в праве навязывать национальному меньшинству принудительное сожительство или хотя бы государственный язык, большевизм считал в то же время своей поистине священной задачей как можно теснее связывать посредством добровольной классовой дисциплины трудящихся разных национальностей воедино. Так, он начисто отвергал национально-федеративный принцип построения партии. Революционная организация – не прототип будущего государства, а лишь орудие для его создания. Инструмент должен быть целесообразен для выделки продукта, а вовсе не включать его в себя. Только централистическая организация может обеспечить успех революционной борьбы, так же и в том случае, когда дело идет о разрушении централистического гнета над нациями.

Низвержение монархии для угнетенных наций России должно было по необходимости означать и их национальную революцию. Здесь обнаружилось, однако, то же, что и во всех остальных областях февральского режима: официальная демократия, связанная своей политической зависимостью от империалистской буржуазии, оказалась совершенно неспособна разрушить старые оковы. Считая бесспорным свое право решать судьбу всех остальных наций, она продолжала ревниво охранять те источники богатства, силы, влияния, которые давало великорусской буржуазии ее господствующее положение. Соглашательская демократия лишь перевела традиции национальной политики царизма на язык освободительной риторики: дело шло теперь о защите единства революции. Но у правящей коалиции был и другой, более острый довод: соображения военного времени. Это значит, освободительные стремления отдельных национальностей изображались как дело рук австро-германского штаба. Первую скрипку и тут играли кадеты, соглашатели вторили.

Новая власть не могла, конечно, оставить в неприкосновенности отвратительный клуб средневековых издевательств над инородцами. Но она надеялась и пыталась ограничиться одним лишь упразднением исключительных законов против отдельных наций, т. е. установлением голого равенства всех частей населения перед великорусской государственной бюрократией.

Формальное равноправие больше всего давало евреям: число законов, ограничивавших их права, достигало 650. К тому же в качестве чисто городской и наиболее распыленной национальности евреи не могли претендовать не только на государственную самостоятельность, но и на территориальную автономию. Что касается проекта так называемой «национально-культурной автономии», которая должна была объединить евреев на протяжении всей страны вокруг школ и других учреждений, то та реакционная утопия, заимствованная разными еврейскими группами у австрийского теоретика Отто Бауэра, растаяла с первым днем свободы, как воск под лучами солнца.

Но революция потому и революция, что она не удовлетворяется ни подачками, ни расплатой в рассрочку. Устранение наиболее постыдных ограничений устанавливало формальное равноправие граждан независимо от национальности; но тем острее обнаруживало неравноправное положение самих наций, оставляя большинство их на положении пасынков и приемышей великорусского государства.

Гражданское равноправие ничего не давало прежде всего финнам, которые стремились не к равенству с русскими, а к независимости от России. Оно ничего не прибавляло украинцам, которые и раньше не знали никаких ограничений, потому что их принудительно объявили русскими. Оно ничего не меняло в положении латышей и эстонцев, придавленных немецкой помещицкой усадьбой и русско-немецким городом. Оно ничем не облегчало судьбы отсталых народов и племен Азии, удерживавшихся на самом дне бесправия не юридическими ограничениями, а цепями экономической и культурной кабалы. Все эти вопросы либерально-соглашательская коалиция не хотела даже поставить. Демократическое государство оставалось тем же государством великорусского чиновника, который никому не собирался уступить свое место.

Чем более глубокие массы захватывала революция на окраинах страны, тем больше обнаруживалось, что государственный язык является там языком имущих классов. Режим формальной демократии, со свободой печати и собраний, заставил отсталые и угнетенные национальности еще болезненнее почувствовать, насколько они лишены самых элементарных средств культурного развития: своей школы, своего суда, своего чиновничества. Отсылки к будущему Учредительному собранию только раздражали: ведь в собрании будут господствовать те же партии, которые создали Временное правительство и продолжают отстаивать традиции русификаторства, обнаруживая с ревнивой жадностью ту черту, дальше которой правящие классы не хотят идти.

Финляндия сразу стала занозой в теле февральского режима. Благодаря остроте аграрного вопроса, имевшего в Финляндии характер вопроса о торпарях, т. е. мелких кабальных арендаторах, промышленные рабочие, составлявшие всего 14 % населения, вели за собою деревню. Финляндский Сейм оказался единственным в мире парламентом, где социал-демократы получили большинство: 103 из 200 депутатских мест. Провозгласив законом 5 июня Сейм суверенным, за изъятием вопросов армии и внешней политики, финляндская социал-демократия обратилась «к товарищеским партиям России» за поддержкой. Обращение оказалось направлено совсем не по адресу. Временное правительство сперва отошло к стороне, предоставив действовать «товарищеским партиям». Увещательная делегация во главе с Чхедидзе вернулась из Гельсингфорса ни с чем. Тогда социалистические министры Петрограда – Керенский, Чернов, Скобелев, Церетели – решили насильственно ликвидировать социалистическое правительство Гельсингфорса. Начальник штаба Ставки монархист Лукомский предупреждал гражданские власти и население Финляндии, что в случае каких-либо выступлений против русской армии «их города, и в первую очередь Гельсингфорс, будут разгромлены». После этой подготовки правительство торжественным манифестом, представлявшим даже в стилистическом отношении плагиат у монархии, распустило Сейм и в день начала наступления на фронте поставило у дверей финляндского парламента снятых с фронта русских солдат. Так революционные массы России получили на пути к Октябрю неплохой урок насчет того, какое условное место занимают принципы демократии в борьбе классовых сил.

Перед лицом националистической разнузданности правящих революционные войска в Финляндии заняли достойную позицию. Областной съезд советов, происходивший в Гельсингфорсе в первой половине сентября, заявил: «Если финляндская демократия найдет нужным возобновить заседания Сейма, то всякие попытки учинить препятствие к этому съезду будет рассматривать как акт контрреволюционный». Это означало прямое предложение

военной помощи. Но статья на путь восстания финляндская социал-демократия, в которой преобладали соглашательские тенденции, не была готова. Новые выборы, происходившие под угрозой нового роспуска, обеспечили буржуазным партиям, по соглашению с которыми правительство и распустило Сейм, небольшое большинство: 108 из 200.

Но теперь на первое место выдвигаются внутренние вопросы, которые в этой Швейцарии Севера, стране гранитных гор и жадных собственников, неотвратимо ведут к гражданской войне. Финляндская буржуазия полуоткрыто готовит свои военные кадры. Одновременно создаются тайные ячейки Красной гвардии. Буржуазия за оружием и инструкторами обращается в Швецию и Германию. Рабочие находят поддержку в русских войсках. Вместе с тем в буржуазных кругах, вчера еще склонных к соглашению с Петроградом, усиливается движение за полное отделение от России. Руководящая газета «Хувудстатсбладет» писала: «Русский народ одержим анархической разнузданностью... не должны ли мы при таких условиях... по возможности отделиться от этого хаоса?» Временное правительство увидело себя вынужденным пойти на уступки, не дожидаясь Учредительного собрания: 23 октября принято было «в принципе» положение о независимости Финляндии, за изъятием военных и внешних дел. Но «независимость» из рук Керенского уже немногого стоила: до его падения оставалось два дня. Второй, несравненно более глубокой занозой стала Украина. В начале июня Керенский запретил созывавшийся Радой украинский войсковой съезд. Украинцы не подчинились. Чтобы спасти лицо власти, Керенский легализовал съезд задним числом, прислав широковегательную телеграмму, которую съехавшиеся встретили непочтительным смехом. Горький урок не помешал Керенскому запретить через три недели мусульманский военный съезд в Москве. Демократическое правительство как бы торопилось внушить недовольным нациям: вы получите только то, что вырвете.

В изданном 10 июня первом «Универсале» Рада, обвиняя Петроград в противодействии национальной самостоятельности, провозглашала: «Отныне сами будем творить нашу жизнь». Кадеты третировали украинских руководителей как германских агентов. Соглашатели обращались к украинцам с сентиментальными увещаниями. Временное правительство направило в Киев делегацию. В нагретой украинской атмосфере Керенский, Церетели и Терещенко оказались вынуждены сделать несколько шагов навстречу Раде. Но после июльского разгрома рабочих и солдат правительство повернуло руль направо также и в украинском вопросе. 5 августа Рада подавляющим большинством обвинила правительство в том, что оно, будучи «проникнуто империалистическими тенденциями русской буржуазии», нарушило соглашение от 3 июля. «Когда правительство должно было оплатить свой вексель, – заявлял глава украинской власти Винниченко, – выяснилось, что Временное правительство... есть мелкий плут, который своим мошенничеством хочет уладить великую историческую проблему». Этот недвусмысленный язык достаточно характеризует авторитет правительства даже в тех кругах, которые политически должны были быть ему достаточно близки: в конце концов украинский соглашатель Винниченко отличался от Керенского лишь как посредственный романист от посредственного адвоката.

Правда, в сентябре правительство издало наконец акт, который признавал за национальностями России – в рамках, какие будут указаны Учредительным собранием, право на «самоопределение». Но этот ничем не гарантированный и внутренне противоречивый вексель на будущее, крайне неопределенный во всем, кроме своих ограничений, никому не внушал доверия: дела Временного правительства уже слишком громко вопияли против него. 2 сентября Сенат, тот самый, который не допускал на свои заседания новых членов без старого мундира, постановил отказать в опубликовании утвержденной правительством инструкции украинскому Генеральному секретариату, т. е. киевскому кабинету министров. Основание: о секретариате не существует закона, а нелегальному учреждению нельзя давать инструкций. Высокие юристы не скрывали, что самое соглашение правительства с Радой

является узурпацией прав Учредительного собрания: наиболее непреклонными сторонниками чистой демократии успели стать царские сенаторы. Проявляя столько храбрости, оппозиционеры справа ровно ничем не рисковали: они знали, что их оппозиция как нельзя больше придется правящим по душе. Если русская буржуазия мирилась еще с известной самостоятельностью Финляндии, связанной лишь слабыми экономическими узами с Россией, то она никак не могла согласиться на «автономию» украинского хлеба, донецкого угля и криворожской руды.

19 октября Керенский приказал по телеграфу генеральным секретарям Украины «безотлагательно выехать в Петроград для личных объяснений» по поводу поднятой ими преступной агитации за украинское Учредительное собрание. Одновременно киевской прокуратуре предложено было начать следствие над Радой. Но громы по адресу Украины так же мало пугали, как мало радовали милости по адресу Финляндии.

Украинские соглашатели чувствовали себя в это время еще несравненно устойчивее, чем их старшие двоюродные братья в Петрограде. Помимо той благоприятной атмосферы, которою окружала их борьба за национальные права, относительная устойчивость мелкобуржуазных партий Украины, как и ряда других угнетенных наций, имела экономические и социальные корни, которые можно определить одним словом: отсталость. Несмотря на быстрое промышленное развитие Донецкого и Криворожского бассейна, Украина в целом продолжала идти позади Великороссии, украинский пролетариат был менее однороден и закален, большевистская партия оставалась количественно и качественно слабой, медленно отделялась от меньшевиков, плохо разбиралась в политической и особенно в национальной обстановке. Даже в промышленной Восточной Украине областная конференция советов в середине октября все еще дала небольшое соглашательское большинство! Относительно еще слабее была украинская буржуазия. Одна из причин социальной неустойчивости российской буржуазии, взятой в целом, состояла, как мы помним, в том, что наиболее могущественную часть ее составляли иностранцы, даже не жившие в России. На окраинах этот факт дополнялся другим, не меньшего значения: своя, внутренняя буржуазия принадлежала не к той нации, что главная масса народа.

Население городов на окраинах сплошь отличалось по национальному составу от населения деревень. На Украине и в Белоруссии помещик, капиталист, адвокат, журналист – великоросс, поляк, еврей, иностранец; деревенское же население – сплошь украинцы и белорусы. В Прибалтике города были очагами немецкой, русской и еврейской буржуазии; деревня – сплошь латышская и эстонская. В городах Грузии преобладало русское и армянское население, как и в тюркском Азербайджане. Отделенные от основной народной массы не только уровнем жизни и нравами, но и языком, точно англичане в Индии; обязанные защитой своих владений и доходов бюрократическому аппарату; неразрывно связанные с господствующими классами всей страны, помещики, промышленники и торговцы на окраинах группировали вокруг себя узкий круг русских чиновников, служащих, учителей, врачей, адвокатов, журналистов, отчасти и рабочих, превращая города в очаги русификации и колонизаторства.

Деревни можно было не замечать до тех пор, пока она молчала. Однако и после того как она все нетерпеливее начала подавать свой голос, город продолжал упорно сопротивляться, отстаивая свое привилегированное положение. Чиновник, купец, адвокат скоро научились прикрывать свою борьбу за командные высоты хозяйства и культуры высокомерным осуждением пробуждающегося «шовинизма». Стремление господствующей нации удержать status quo нередко окрашивается в цвета сверхнационализма, как стремление победоносной страны удержать награбленное добро принимает форму пацифизма. Так, Макдональд перед лицом Ганди чувствует себя интернационалистом. Так, тяга австрийцев к Германии представляется Пуанкаре оскорблением французского пацифизма.

«Люди, живущие в городах Украины, – писала в мае делегация киевской Рады Временному правительству, – видят пред собою обрусевшие улицы этих городов... совершенно забывают о том, что эти города – только маленькие островки в море всего украинского народа». Когда Роза Люксембург в своей посмертной полемике с программой октябрьского переворота утверждала, что украинский национализм, бывший ранее лишь «забавой» дюжины мелкобуржуазных интеллигентов, искусственно поднялся на дрожжах большевистской формулы самоопределения, то она, несмотря на свою светлую голову, впадала в тяжчайшую историческую ошибку: украинское крестьянство не выдвигало в прошлом национальных требований по той причине, по которой оно вообще не поднималось до политики. Главная заслуга Февральского переворота, пожалуй, единственная, но вполне достаточная, в том именно и состояла, что он дал наконец возможность наиболее угнетенным классам и нациям России заговорить вслух. Политическое пробуждение крестьянства не могло, однако, произойти иначе, как через родной язык, со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно школы, суда, самоуправления. Противиться этому значило бы пытаться вернуть крестьянство в небытие.

Национальная разнородность города и деревни болезненно давала о себе знать и через советы как преимущественно городские организации. Под руководством соглашательских партий советы сплошь да рядом игнорировали национальные интересы коренного населения. В этом была одна из причин слабости советов на Украине. Советы Риги и Ревеля забывали об интересах латышей и эстонцев. Соглашательский Совет в Баку пренебрегал интересами основного тюркского населения. Под фальшивым знаменем интернационализма советы вели нередко борьбу против оборонительного украинского или мусульманского национализма, прикрывая угнетательское русификаторство городов. Немало еще пройдет времени и при господстве большевиков, прежде чем советы на окраинах научатся говорить на языке деревни.

Придавленным природой и эксплуатацией сибирским инородцам экономическая и культурная первобытность вообще еще не позволяла подняться до того уровня, где начинаются национальные притязания. Водка, фиск и принудительное православие были здесь искони главными рычагами государственности. Та болезнь, которую итальянцы называли французской, а французы – неаполитанской, среди сибирских народов называлась русской; это указывает, из каких источников шли семена цивилизации. Февральская революция не докатилась сюда. Еще долго придется ждать просвета охотникам и оленеводам полярных пространств.

Народности и племена на Волге, на Северном Кавказе, в Центральной Азии, впервые пробуждавшиеся Февральским переворотом из доисторического существования, не знали еще ни национальной буржуазии, ни пролетариата. Над крестьянской или пастушеской массой отлагалась из состава ее верхних слоев тоненькая прослойка интеллигенции. Прежде чем возвыситься до программы национального самоуправления, борьба велась здесь вокруг вопросов собственного алфавита, собственного учителя, иногда – собственного священника. Этим наиболее угнетенным приходилось на горьком опыте убеждаться, что просвещенные хозяева государства добровольно не позволят им подняться. Отсталые из отсталых оказывались вынуждены искать в качестве союзников наиболее революционный класс. Так через левые элементы своей молодой интеллигенции вотяки, чувашаи, зыряне, племена Дагестана и Туркестана начинали прокладывать себе пути к большевикам.

Назначение колониальных владений, особенно в Центральной Азии, изменилось вместе с хозяйственной эволюцией центра, который от прямого и открытого грабежа, в том числе и торгового, переходил к более замаскированным методам, превращая азиатских крестьян в поставщиков промышленного сырья, главным образом хлопка. Иерархически организованная эксплуатация, сочетавшая варварство капитализма с варварством патриар-

хального быта, с успехом удерживала азиатские народы в крайней национальной приниженности. Февральский режим здесь все оставил по-старому.

Захваченные при царизме у башкир, бурят, киргиз и других кочевников лучшие земли продолжали находиться в руках помещиков и зажиточных русских крестьян, расселенных колонизаторскими оазисами среди туземного населения. Пробуждение духа национальной независимости означало здесь прежде всего борьбу против колонизаторов, создавших искусственную чересполосицу и обрекавших кочевников на голод и вымирание. С своей стороны пришельцы неистово отстаивали от «сепаратизма» азиатов единство России, т. е. неприкосновенность своих захватов. Ненависть колонизаторов к движению туземцев принимала зоологические формы. В Забайкалье шла на всех парах подготовка бурятских погромов под руководством мартовских эсеров из волостных писарей или вернувшихся с фронта унтеров.

В своем стремлении удержать как можно дольше старые порядки все эксплуататоры и насильники в колонизированных областях апеллировали отныне к суверенным правам Учредительного собрания – этой фразеологией снабжало их Временное правительство, находившее в них лучшую свою опору. С другой стороны, и привилегированные верхи угнетенных народов все чаще призывали имя Учредительного собрания. Даже мусульманское духовенство, поднявшее над пробудившимися горскими народностями и племенами Северного Кавказа зеленое знамя шариата, во всех случаях, когда напор снизу ставил его в трудное положение, настаивало на отложении вопроса «до Учредительного собрания». Это стало лозунгом консерватизма, реакции, корыстных интересов и привилегий во всех частях страны. Апелляция к Учредительному собранию означала: оттянуть и выиграть время. Оттяжка означала: собрать силы и задушить революцию.

В руки духовенства или феодальной знати руководство попадало, однако, только на первых порах, только у отсталых народов, почти только у мусульман. Вообще же национальное движение в деревнях, естественно, возглавлялось сельскими учителями, волостными писарями, низшими чиновниками и офицерами, отчасти торговцами. Рядом с русской или русифицированной интеллигенцией, из более солидных и обеспеченных элементов, в окраинных городах успел сложиться другой слой, более молодой, тесно связанный с деревней происхождением, не нашедший доступа к столу капитала и естественно взявший на себя политическое представительство национальных, отчасти и социальных интересов коренных крестьянских масс.

Враждебно противостоя русским соглашателям по линии национальных притязаний, окраинные соглашатели принадлежали к тому же основному типу и даже носили чаще всего те же наименования. Украинские эсеры и социал-демократы, грузинские и латышские меньшевики, литовские «трудовики» стремились, как и их великорусские тезки, удержать революцию в рамках буржуазного режима. Но крайняя слабость туземной буржуазии заставляла здесь меньшевиков и эсеров не идти на коалицию, а брать государственную власть в собственные руки. Вынужденные в области аграрного и рабочего вопроса идти дальше, чем центральная власть, окраинные соглашатели много выигрывали, выступая в армии и стране противниками коалиционного Временного правительства. Всего этого было достаточно если не для того, чтобы породить различие судеб русских и окраинных соглашателей, то для того, чтобы определить различие темпов и подъема и упадка.

Грузинская социал-демократия не только вела за собой нищенствующее крестьянство маленькой Грузии, но и претендовала, не без известного успеха, на руководство движением «революционной демократии» всей России. В первые месяцы революции верхи грузинской интеллигенции относились к Грузии не как к национальному отечеству, а как к Жиронде, благословенной южной провинции, призванной поставлять вождей для всей страны. На московском Государственном совещании один из видных грузинских меньшевиков, Чхенкели, хвалился тем, что грузины, даже при царизме, в счастье и в несчастье, говорили: «Единое

отечество – Россия». «Что сказать о грузинской нации? – спрашивал тот же Чхенкели, через месяц на Демократическом совещании. – Вся она к услугам великой российской революции». И действительно: грузинские соглашатели, как и еврейские, всегда были «к услугам» великорусской бюрократии, когда нужно было умереть или тормозить национальные притязания отдельных областей.

Так продолжалось, однако, лишь до тех пор, пока грузинские социал-демократы сохраняли надежду удержать революцию в рамках буржуазной демократии. По мере того как выяснялась опасность победы руководимых большевизмом масс, грузинская социал-демократия ослабляла свои связи с русскими соглашателями, теснее объединяясь с реакционными элементами самой Грузии. К моменту победы советов грузинские сторонники единой России становятся глашатаями сепаратизма и показывают другим народностям Закавказья желтые клыки шовинизма.

Неизбежная национальная маскировка социальных противоречий, и без того менее развитых, по общему правилу, на окраинах, достаточно объясняет, почему октябрьский переворот должен был в большинстве угнетенных наций встретить большее сопротивление, чем в Центральной России. Но зато национальная борьба сама по себе жестоко расшатывала февральский режим, создавая для переворота в центре достаточно благоприятную политическую периферию.

В тех случаях, когда они совпадали с классовыми противоречиями, национальные антагонизмы получали особую жгучесть. Вековая вражда между латышским крестьянством и немецкими баронами толкнула в начале войны многие тысячи трудящихся латышей на путь добровольчества. Стрелковые полки из латышских батраков и крестьян были одними из лучших на фронте. Однако в мае они выступали уже за власть советов. Национализм оказался только оболочкой незрелого большевизма. Однородный процесс происходил и в Эстонии.

В Белоруссии, с польскими или ополяченными помещиками, еврейским населением городов и местечек и русским чиновничеством, дважды и трижды угнетенное крестьянство, под влиянием близкого фронта, направило уже до октября свое национальное и социальное возмущение в русло большевизма. На выборах в Учредительное собрание подавляющая масса белорусских крестьян будет голосовать за большевиков.

Все эти процессы, в которых пробужденное национальное достоинство сочеталось с социальным возмущением, то сдерживая его, то толкая вперед, находили в высшей степени острое выражение в армии, где лихорадочно создавались национальные полки, то покровительствуемые, то терпимые, то преследуемые центральной властью, в зависимости от их отношения к войне и большевикам, но в общем все более враждебно поворачивавшиеся против Петрограда.

Ленин уверенно держал руку на «национальном» пульсе революции. В знаменитой статье «Кризис назрел» он в конце сентября настойчиво указывал на то, что национальная курия Демократического совещания «по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов по проценту голосов, поданных против коалиции (40 из 55)». Это значило: от великорусской буржуазии угнетенные нации не ждали уже ничего доброго. Свои права они все больше осуществляли самовольно, по кускам, в порядке революционных захватов.

На октябрьском съезде бурят в далеком Верхнеудинске докладчик свидетельствовал: в положение инородцев «Февральская революция ничего нового не внесла». Такой итог вынуждал если еще не сразу становиться на сторону большевиков, то, по крайней мере, соблюдать по отношению к ним все более дружественный нейтралитет. Всеукраинский войсковой съезд, заседавший уже в дни петроградского восстания, постановил бороться с требованием о передаче власти на Украине советам, но в то же время отказался рассмат-

ривать восстание великорусских большевиков «как действие антидемократическое» и обещал употребить все средства, чтобы войска не посылались для подавления восстания. Эта двойственность, как нельзя лучше характеризующая мелкобуржуазную стадию национальной борьбы, облегчала революцию пролетариата, собиравшуюся покончить со всякой двойственностью.

С другой стороны, буржуазные круги на окраинах, всегда и неизменно тяготевшие к центральной власти, теперь ударялись в сепаратизм, под которым во многих случаях не было уже и тени национальной основы. Вчера еще ура-патриотическая буржуазия Прибалтики вслед за немецкими баронами, лучшей опорой Романовых, становилась, в борьбе против большевистской России и собственных масс, под знамя сепаратизма. На этом пути возникли еще более диковинные явления. 20 октября положено было начало новому государственному образованию в виде «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Верхи донского, кубанского, терского и астраханского казачества, важнейшая опора имперского централизма, в течение нескольких месяцев превратились в страстных защитников федерации и объединились на этой почве с вождями мусульманских горцев и степняков. Перегородки федеративного строя должны были служить барьером против шедшей с севера большевистской опасности. Прежде, однако, чем создать важнейшие плацдармы гражданской войны против большевиков, контрреволюционный сепаратизм направлялся непосредственно против правящей коалиции, деморализуя и ослабляя ее.

Так, национальная проблема, вслед за другими, показывала Временному правительству голову Медузы, на которой каждый волос мартовских и апрельских надежд успел превратиться в змею ненависти и возмущения.

Большевистская партия далеко не сразу после переворота заняла ту позицию в национальном вопросе, которая обеспечила ей в конце концов победу. Это относится не только к окраинам со слабыми и неопытными партийными организациями, но и к петроградскому центру. За годы войны партия так ослабела, теоретический и политический уровень кадров так снизился, что официальное руководство заняло и в национальном вопросе, до приезда Ленина, крайне путаную и половинчатую позицию.

Правда, в соответствии с традицией большевики по-прежнему отстаивали право наций на самоопределение. Но эту формулу признавали на словах и меньшевики: текст программы оставался общим. Решающее значение имел, однако, вопрос о власти. Между тем временные руководители партии оказались совершенно неспособны понять непримиримый антагонизм между большевистскими лозунгами в национальном, как и в аграрном вопросе и между сохранением буржуазно-империалистского режима, хотя бы и прикрытого демократическими формами.

Наиболее вульгарное выражение демократическая позиция нашла под пером Сталина. 25 марта в статье, приуроченной к правительственному декрету об отмене национальных ограничений, Сталин пытается поставить национальный вопрос в исторической широте. «Социальной основой национального гнета, – пишет он, – силой, одухотворяющей его, является отживающая земельная аристократия». О том, что национальный гнет получил небывалое развитие в эпоху капитализма и нашел себе наиболее варварское выражение в колониальной политике, демократический автор как бы не догадывается совсем. «В Англии, – продолжает он, – где земельная аристократия делит власть с буржуазией, где давно уже нет безграничного господства этой аристократии, национальный гнет более мягок, менее бесчеловечен, если, конечно, не принимать во внимание того обстоятельства, что в ходе войны, когда власть перешла в руки лэндлордов, национальный гнет значительно усилился (преследование ирландцев, индусов)». В гнете ирландцев и индусов оказываются виноваты лэндлорды, которые, очевидно, в лице Ллойд Джорджа, захватили власть, благодаря войне. «... В Швейцарии и в Северной Америке, – продолжает Сталин, – где лэндлордизма нет и не

бывало, где власть безраздельно находится в руках буржуазии, национальности развиваются свободно, национальному гнету, вообще говоря, нет места...» Автор совершенно забывает негритянский и колониальный вопрос в Соединенных Штатах.

Из этого безнадежно провинциального анализа, исчерпывающегося смутным противопоставлением феодализма и демократии, вытекают чисто либеральные политические выводы. «Снять с политической сцены феодальную аристократию, вырвать у нее власть, – это именно и значит ликвидировать национальный гнет, создать фактические условия, необходимые для национальной свободы. Поскольку русская революция победила, – пишет Сталин, – она уже создала эти фактические условия...» Мы имеем здесь, пожалуй, более принципиальную апологию империалистской «демократии», чем все, что писали на эту тему в те дни меньшевики. Как во внешней политике Сталин, вслед за Каменевым, надеялся разделением труда с Временным правительством достигнуть демократического мира, так во внутренней политике он в демократии князя Львова находил «фактические условия» национальной свободы.

На самом деле падение монархии впервые полностью обнаружило, что не только реакционные помещики, но и вся либеральная буржуазия, а за нею вся мелкобуржуазная демократия, вместе с патриотической верхушкой рабочего класса, являются непримиримыми противниками действительного национального равноправия, т. е. упразднения привилегий господствующей нации: вся их программа сводилась к смягчению, культурной полировке и демократическому прикрытию великорусского господства.

На апрельской конференции, защищая ленинскую резолюцию по национальному вопросу, Сталин формально исходит уже из того, что «национальный гнет – это та система... те меры... которые проводятся империалистскими кругами», но тут же неотвратимо сбивается на свою мартовскую позицию. «Чем демократичнее страна, тем слабее национальный гнет, и наоборот» – такова своя собственная, не заимствованная у Ленина абстракция докладчика. Тот факт, что демократическая Англия угнетает феодально-кастовую Индию, по-прежнему исчезает с его ограниченного поля зрения. В отличие от России, где господствовала «старая земельная аристократия», продолжает Сталин, «в Англии и в Австро-Венгрии национальный гнет никогда не принимал погромных форм». Как будто в Англии «никогда» не господствовала земельная аристократия или как будто в Венгрии она не господствует до сего дня! Комбинированный характер исторического развития, сочетающего «демократию» с удушением слабых наций, оставался для Сталина книгой за семью печатями.

Что Россия сложилась как государство национальностей, есть результат ее исторической запоздалости. Но запоздалость есть сложное понятие, неминуемо противоречивое. Отсталая страна вовсе не идет по пятам за передовой, соблюдая одну и ту же дистанцию. В эпоху мирового хозяйства запоздалые нации, включаясь, под давлением передовых, в общую цепь развития, перескакивают через ряд промежуточных ступеней. Более того, отсутствие прочно сложившихся общественных форм и традиций делает отсталую страну – по крайней мере в известных пределах – крайне восприимчивой к последнему слову мировой техники и мировой мысли. Но отсталость от этого еще не перестает быть отсталостью. Развитие в целом получает противоречивый и комбинированный характер. Социальной структуре запоздалой нации свойственно преобладание крайних исторических полюсов, отсталых крестьян и передовых пролетариев, над средними формациями, над буржуазией. Задачи одного класса переваливаются на плечи другого. Выкорчевывание средневековых пережитков ложится также и в национальной области на пролетариат.

Ничто не характеризует с такой яркостью историческую запоздалость России, если брать ее в качестве европейской страны, как тот факт, что ей в двадцатом веке пришлось ликвидировать кабальную аренду и черту оседлости, т. е. варварство крепостничества и гетто. Но для разрешения этих задач Россия, именно вследствие своего запоздалого развития, обла-

дала новыми, в высшей степени современными классами, партиями, программами. Чтобы покончить с идеями и методами Распутина, России понадобились идеи и методы Маркса.

Политическая практика оставалась, правда, гораздо примитивнее теории, ибо вещи изменяются труднее, чем идеи. Но теория все же лишь доводила до конца потребности практики. Чтобы добиться освобождения и культурного подъема, угнетенные национальности оказывались вынуждены связать свою судьбу с судьбой рабочего класса. А для этого им необходимо было освободиться от руководства своих буржуазных и мелкобуржуазных партий, т. е. далеко забежать вперед по пути исторического развития.

Соподчинение национальных движений основному процессу революции, борьбе пролетариата за власть, совершается не сразу, а в несколько этапов, притом по-разному в разных областях страны. Украинские, белорусские или татарские рабочие, крестьяне и солдаты, враждебные Керенскому, войне и русификации, становились тем самым, несмотря на свое соглашательское руководство, союзниками пролетарского восстания. От объективной поддержки большевиков они оказываются вынуждены на дальнейшем этапе и субъективно перейти на путь большевизма. В Финляндии, Латвии, Эстонии, слабее на Украине расслоение национального движения принимает уже к октябрю такую остроту, что только вмешательство иностранных войск может помешать здесь успеху пролетарского переворота. На азиатском Востоке, где национальное пробуждение совершалось в наиболее примитивных формах, оно лишь постепенно и со значительным запозданием должно подпасть под руководство пролетариата уже после завоевания им власти. Если охватить сложный и противоречивый процесс в целом, вывод очевиден: национальный поток, как и аграрный, вливался в русло октябрьского переворота.

Неотвратимый и неудержимый переход масс от элементарнейших задач политического, аграрного, национального раскрепощения к господству пролетариата вытекал не из «демагогической» агитации, не из предвзятых схем, не из теории перманентной революции, как думали либералы и соглашатели, а из социальной структуры России и из условий мировой обстановки. Теория перманентной революции только формулировала комбинированный процесс развития.

Дело идет здесь не об одной России. Соподчинение запоздалых национальных революций революции пролетариата имеет свою мировую закономерность. В то время как в XIX столетии основная задача войн и революций все еще состояла в том, чтобы обеспечить за производительными силами национальный рынок, задача нашего столетия состоит в том, чтобы освободить производительные силы из национальных границ, которые стали для них железными колодками. В широком историческом смысле национальные революции Востока являются только ступенями мировой революции пролетариата, как национальные движения России стали ступенями советской диктатуры.

Ленин с замечательной глубиной оценил революционную силу, заложенную в судьбе угнетенных национальностей как царской России, так и всего мира. Ничего, кроме презрения, не заслуживал в его глазах тот лицемерный «пацифизм», который одинаково «осуждает» и войну Японии против Китая ради его закрепощения, и войну Китая против Японии во имя своего освобождения. Для Ленина национально-освободительная война в противовес империалистски-угнетательской являлась лишь другой формой национальной революции, которая, в свою очередь, входит необходимым звеном в освободительную борьбу мирового рабочего класса.

Из этой оценки национальных революций и войн ни в каком случае, однако, не вытекает признание какой-либо революционной миссии за буржуазией колониальных и полуколониальных наций. Наоборот, именно буржуазия отсталых стран с молочных зубов развивается как агентура иностранного капитала и, несмотря на завистливую вражду к нему, во всех решающих случаях оказывается и будет оказываться в одном с ним лагере. Китай-

ское компрадорство является классической формой колониальной буржуазии, как Гоминьдан есть классическая партия компрадорства. Верхи мелкой буржуазии, в том числе интеллигенция, могут принимать активное, подчас очень шумное участие в национальной борьбе, но совершенно неспособны к самостоятельной роли. Только рабочий класс, став во главе нации, может довести национальную, как и аграрную революцию до конца.

Роковая ошибка эпигонов, прежде всего Сталина, состоит в том, что из учения Ленина о прогрессивном историческом значении борьбы угнетенных наций они сделали вывод о революционной миссии буржуазии колониальных стран. Непонимание перманентного характера революции в империалистскую эпоху; педантская схематизация развития; расчленение живого комбинированного процесса на мертвые стадии, якобы неизбежно отделенные одна от другой во времени, привели Сталина к вульгарной идеализации демократии, или «демократической диктатуры», которая на самом деле может быть либо империалистской диктатурой, либо диктатурой пролетариата. Со ступеньки на ступеньку группа Сталина дошла по этому пути до полного разрыва с позицией Ленина в национальном вопросе и до катастрофической политики в Китае.

В августе 1927 года, в борьбе с оппозицией (Троцкий, Раковский и др.), Сталин говорил на пленуме Центрального Комитета большевиков: «Революция в империалистических странах – это одно: там буржуазия... контрреволюционна на всех стадиях революции... Революция в колониальных и зависимых странах – это нечто другое... там национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок может поддержать революционное движение своей страны против империализма». С оговорками и смягчениями, характеризующими лишь его неуверенность в себе, Сталин переносит здесь на колониальную буржуазию те самые черты, которыми он в марте наделял русскую буржуазию. Повинуясь своему глубоко органическому характеру, сталинский оппортунизм, точно под действием законов тяжести, прокладывает себе дорогу через различные каналы. Подбор теоретических аргументов является при этом делом чистого случая.

Из перенесения мартовской оценки Временного правительства на «национальное» правительство в Китае вытекло трехлетнее сотрудничество Сталина с Гоминьданом, представляющее один из наиболее потрясающих фактов новейшей истории: в качестве верного оруженосца эпигонский большевизм сопровождал китайскую буржуазию до 11 апреля 1927 года, т. е. до ее кровавой расправы над шанхайским пролетариатом. «Основная ошибка оппозиции, – так оправдывал Сталин свое братство по оружию с Чан Кайши, – состоит в том, что она отождествляет революцию 1905 года в России, в стране империалистической, угнетавшей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетенной...» Поразительно, что сам Сталин не догадался взять революцию в России не под углом зрения нации, «угнетавшей другие народы», а под углом зрения опыта «других народов» той же России, терпевших не меньшее угнетение, чем китайцы.

На том грандиозном опытном поле, которое представляла Россия в течение трех революций, можно найти все варианты национальной и классово-борьбы, кроме одного: чтобы буржуазия угнетенной нации играла освободительную роль по отношению к собственному народу. На всех этапах своего развития окраинная буржуазия, какими бы красками она ни играла, неизменно зависела от центральных банков, трестов, торговых фирм, являясь, по существу, агентурой общероссийского капитала, подчиняясь его русификаторским тенденциям и подчиняясь им широкие круги либеральной и демократической интеллигенции. Чем более «зрелой» являлась окраинная буржуазия, тем теснее она оказывалась связанной с общегосударственным аппаратом. Взятая в целом буржуазия угнетенных наций играла ту же компрадорскую роль по отношению к правящей буржуазии, какую эта последняя выполняла по отношению к мировому финансовому капиталу. Сложная иерархия зависимостей

и антагонизмов ни на один день не устраняла основной солидарности в борьбе с восстающими массами.

В период контрреволюции (1907–1917 гг.), когда руководство национальным движением сосредоточивалось в руках туземной буржуазии, она еще откровеннее, чем русские либералы, искала соглашения с монархией. Польские, прибалтийские, татарские, украинские, еврейские буржуа соревновались на поприще империалистского патриотизма. После Февральского переворота они прятались за спиной кадетов или, по примеру кадетов, за спиной своих национальных соглашателей. На путь сепаратизма буржуазия окраинных наций становится к осени 1917 года не в борьбе с национальным гнетом, а в борьбе с надвигавшейся пролетарской революцией. В общем итоге буржуазия угнетенных наций обнаружила никак не меньшую враждебность по отношению к революции, чем великорусская буржуазия.

Гигантский исторический урок трех революций прошел, однако, бесследно для многих участников событий, прежде всего – для Сталина. Соглашательское, т. е. мелкобуржуазное, понимание взаимоотношения классов внутри колониальных наций, погубившее китайскую революцию 1925–1927 гг., эпигоны внесли даже в программу Коммунистического Интернационала, превращая ее в этой части в прямую западню для угнетенных народов Востока.

Чтобы понять действительный характер национальной политики Ленина, лучше всего – по методу контрастов – сопоставить ее с политикой австрийской социал-демократии. В то время как большевизм ориентировался на взрыв национальных революций за десятки лет, воспитывая в духе этой перспективы передовых рабочих, австрийская социал-демократия покорно приспособлялась к политике господствующих классов, выступала как адвокат принудительного сожительства десяти наций в австро-венгерской монархии и в то же время, будучи абсолютно неспособна осуществить революционное единство рабочих разных национальностей, разгораживала их в партии и в профессиональных союзах вертикальными перегородками. Карл Реннер, просвещенный габсбургский чиновник, неутомимо изыскивал в чернильнице австромарксизма способы омоложения государства Габсбургов – вплоть до того часа, как увидел себя вдовствующим теоретиком австро-венгерской монархии. Когда центральные империи были разбиты, династия Габсбургов попыталась еще поднять знамя федерации автономных наций под своим скипетром: официальная программа австрийской социал-демократии, рассчитанная на мирное развитие в рамках монархии, стала на миг программой самой монархии, покрытой кровью и грязью четырех лет войны.

Ржавый обруч, сковывавший воедино десять наций, разлетелся на куски. Австро-Венгрия распадалась силою внутренних центробежных тенденций, подкрепленных версальской хирургией. Формировались новые государства и перестраивались старые. Австрийские немцы повисли над бездной. Вопрос для них шел уже не о сохранении владычества над другими нациями, а об опасности подпасть самим под чужую власть. Отто Бауэр, представитель «левого» крыла австрийской социал-демократии, счел этот момент подходящим для того, чтобы выдвинуть формулу национального самоопределения. Программа, которая должна была бы в течение предшествовавших десятилетий вдохновлять борьбу пролетариата против Габсбургов и правящей буржуазии, оказалась превращена в орудие самосохранения господствовавшей вчера нации, которой сегодня грозила опасность со стороны освобождавшихся славянских народов. Как реформистская программа австрийской социал-демократии стала на миг той соломинкой, за которую пыталась ухватиться утопающая монархия, так оскопленная австромарксистами формула самоопределения должна была стать якорем спасения немецкой буржуазии.

3 октября 1918 года, когда вопрос от них уже ни в малейшей мере не зависел более, социал-демократические депутаты рейхсрата великодушно «признали» право народов бывшей империи на самостоятельность. 4 октября программу самоопределения приняли и бур-

жуазные партии. Опередив таким образом австро-немецких империалистов на целый день, социал-демократия и тут еще продолжала держаться выжидательно: неизвестно, какой оборот примут дела и что скажет Вильсон. Только 13 октября, когда окончательное крушение армии и монархии создало «революционную ситуацию, для которой, – по словам Бауэра, – наша национальная программа была задумана», австромарксисты практически поставили вопрос о самоопределении: поистине, им уже нечего было терять. «С крушением своего господства над другими нациями, – объясняет Бауэр с полной откровенностью, – немецко-национальная буржуазия сочла законченной свою историческую миссию, во имя которой она добровольно переносила свое отделение от немецкого отечества». Новая программа была пущена в оборот не потому, что нужна была угнетенным, а потому, что она перестала быть опасной для угнетателей. Имущие классы, загнанные в историческую щель, оказались вынуждены признать национальную революцию юридически; австромарксизм счел своевременным узаконить ее юридически. Это – зрелая революция, своевременная, исторически подготовленная: она уже все равно совершилась. Душа социал-демократии перед нами как на ладони!

Совсем по-иному обстояло дело с социальной революцией, которая никак не могла надеяться на признание имущих классов. Ее надо было отодвинуть, развенчать, скомпрометировать. Так как империя распадалась, естественно, по наиболее слабым, т. е. национальным, швам, Отто Бауэр делает отсюда вывод о характере революции: «Она была еще отнюдь не социальной, но национальной революцией». На самом деле движение с самого начала имело глубокое социально-революционное содержание. «Чисто» национальный характер революции недурно иллюстрируется тем, что имущие классы Австрии открыто приглашали Антанту забрать всю армию в плен. Немецкая буржуазия умоляла итальянского генерала занять Вену итальянскими войсками!

Педантски-пошлое разграничение национальной формы и социального содержания революционного процесса в качестве двух будто бы самостоятельных исторических стадий – мы видим, как близко здесь Отто Бауэр подходит к Сталину! – имело в высшей степени утилитарное назначение: оно должно было оправдать сотрудничество социал-демократии с буржуазией в борьбе против опасностей социальной революции.

Если принять, по Марксу, что революция есть локомотив истории, то австромарксизму нужно отвести при нем место тормоза. Уже после фактического крушения монархии социал-демократия, призванная к соучастию во власти, все еще не решалась расстаться со старыми габсбургскими министрами: «национальная» революция ограничилась тем, что подкрепила их государственными секретарями. Только после 9 ноября, когда германская революция сбросила Гогенцоллернов, австрийская социал-демократия предложила Государственному совету провозгласить республику, пугая буржуазных партнеров движением масс, которым она сама была запугана до мозга костей. «Христианские социалисты, – неосторожно иронизирует Отто Бауэр, – которые еще 9 и 10 ноября стояли за монархию, решились 11 ноября прекратить свое сопротивление...» На целых два дня социал-демократия упредила партию черносотенных монархистов! Все героические легенды человечества бледнеют перед этим революционным размахом.

Наперекор своей воле социал-демократия с начала революции автоматически оказалась во главе нации, как русские меньшевики и эсеры. Как и они, она больше всего боялась собственной силы. В коалиционном правительстве она старалась занять как можно меньший уголок. Отто Бауэр объясняет: «Чисто национальному характеру революции отвечало первоначально то, что социал-демократы сперва потребовали для себя только скромного участия в правительстве». Вопрос о власти разрешается для этих людей не реальным соотношением сил, не мощностью революционного движения, не банкротством господствующих

классов, не политическим влиянием партии, а педантским ярлычком «чисто национальной революции», наклеенным на события мудрыми классификаторами.

Карл Реннер пережил бурю в качестве начальника канцелярии Государственного совета. Остальные социал-демократические вожди превратились в помощников при буржуазных министрах. Другими словами, социал-демократы спрятались под канцелярскими столами. Массы не соглашались, однако, кормиться национальной скорлупой ореха, социальное ядро которого австромарксисты приберегали для буржуазии. Рабочие и солдаты оттерли буржуазных министров назад и вынудили социал-демократов покинуть свои убежища. Незаменимый теоретик Отто Бауэр объясняет: «Только события следующих дней, которые гнали национальную революцию в сторону социальной, усилили наш вес в правительстве». В переводе на общепонятный язык: под напором масс социал-демократы оказались вынуждены вылезть из-под столов.

Но ни на минуту не изменяя своему назначению, они взяли власть только для того, чтобы повести войну против романтики и авантюризма, – под этими именами фигурирует у сикофантов та самая социальная революция, которая усилила их «вес в правительстве». Если австромарксисты не без успеха выполнили в 1918 году свою историческую миссию ангелов-хранителей венской Кредит-Анштальт от революционной романтики пролетариата, то только потому, что не встретили помех со стороны подлинной революционной партии.

Два государства национальностей, Россия и Австро-Венгрия, своей новейшей судьбой запечатлели противоположность большевизма и австромарксизма. В течение полутора десятилетий Ленин проповедовал в непримиримой борьбе со всеми оттенками великорусского шовинизма право всех угнетенных наций отколоться от империи царей. Большевиков обвиняли в том, что они стремятся к расчленению России. Между тем смелая революционная постановка национального вопроса создала несокрушимое доверие угнетенных, малых и отсталых народов царской России к большевистской партии. В апреле 1917 года Ленин говорил: «Если украинцы увидят, что у нас республика советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, то отделятся». Он и в этом оказался прав. История дала ни с чем не сравнимую проверку двух политик в национальном вопросе. В то время как Австро-Венгрия, пролетариат которой воспитывался в духе трусливой половинчатости, при грозном потрясении развалилась на куски, причем инициативу распада брали на себя главным образом национальные части социал-демократии, – на развалинах царской России создалось новое государство национальностей, экономически и политически тесно спаянных большевистской партией.

Каковы бы ни были дальнейшие судьбы Советского Союза – а он еще очень далек от тихой пристани, – национальная политика Ленина навсегда войдет в железный инвентарь человечества.

Выход из предпарламента и борьба за съезд Советов

Каждый день войны расшатывал фронт, ослаблял правительство, ухудшал международное положение страны. В начале октября немецкий флот, морской и воздушный, развил активные операции в Финском заливе. Балтийские моряки дрались мужественно, стараясь прикрыть путь к Петрограду. Но они ярче и глубже всех других частей фронта понимали глубокое противоречие своего положения как авангарда революции и как подневольных участников империалистской войны, и через радиостанции своих кораблей они бросили клич о международной революционной помощи во все четыре стороны горизонта. «Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя. Оклеветанный, заклеянный флот исполнит свой долг... не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего долготерпением революции... не во имя договоров наших правителей с союзниками, опутывающих цепями руки русской свободы». Нет, но во имя охраны подступов к очагу революции, Петрограду. «В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются воды над их трупами, мы возвышаем свой голос: ... Угнетенные всего мира! Поднимайте знамя восстания!»

Слова о боях и жертвах не были фразой. Эскадра потеряла корабль «Слава» и после боя отступила. Немцы завладели Моонзундским архипелагом. Перевернулась еще одна черная страница в книге войны. Правительство решило воспользоваться новым военным ударом для перемещения столицы: старый план всплывал при каждом подходящем поводе. Симпатий к Москве в правящих кругах не было, но была ненависть к Петрограду. Монархическая реакция, либерализм, демократия стремились по очереди разжаловать столицу, поставить ее на колени, раздавить ее. Самые крайние патриоты ненавидели теперь Петроград гораздо более жгучей ненавистью, чем Берлин.

Вопрос об эвакуации проходил в порядке чрезвычайной спешности. На переселение правительства вместе с предпарламентом положено всего две недели. Решено также эвакуировать в кратчайший срок заводы, работающие на оборону. ЦИК, как «частное учреждение», должен сам позаботиться о своей судьбе.

Кадетские вдохновители эвакуации понимали, что простое переселение правительства не решает вопроса. Но они рассчитывали взять гнездо революционной заразы голодом, измором, истощением. Внутренняя блокада Петрограда шла уже полным ходом. У заводов отбились заказы, доставка топлива была уменьшена в четыре раза, министерство продовольствия задерживало идущий в столицу скот, на Мариинской системе приостановлены грузы.

Воинствующий Родзянко, председатель Государственной думы, которую правительство решилось наконец распустить в начале октября, с полной откровенностью высказывался в либеральной московской газете «Утро России» насчет военной опасности, угрожающей столице. «Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли». Правда, со взятием Петрограда должен погибнуть Балтийский флот. Но и об этом жалеть не приходится: «Там есть суда совершенно развращенные». Благодаря тому что камергер не имел привычки держать язык за зубами, народ узнавал наиболее задушевные мысли дворянской и буржуазной России.

Русский поверенный в делах доносил из Лондона, что британский морской штаб, несмотря на все настояния, не считает возможным облегчить положение своей союзницы

в Балтийском море. Не одни только большевики истолковывали этот ответ в том смысле, что союзники, заодно с патриотическими верхами самой России, ждут только выгоды для общего дела от немецкого удара по Петрограду. Рабочие и солдаты не сомневались, особенно после признаний Родзянко, что правительство сознательно готовится отдать их на выучку Людендорфу и Гофману. 6 октября солдатская секция приняла с небывалым доселе единодушием резолюцию Троцкого: «Если Временное правительство не способно защитить Петроград, оно обязано заключить мир либо уступить место другому правительству». Рабочие выступали не менее непримиримо. Петроград они считали своей крепостью, с ним они связывали свои революционные надежды, сдавать Петроград они не хотели. Напуганные военной опасностью, эвакуацией, возмущением солдат и рабочих, возбуждением всего населения, соглашатели с своей стороны забили тревогу: нельзя покидать Петроград на произвол судьбы. Убедившись, что попытка эвакуации встречает противодействие со всех сторон, правительство начало отступать: оно-де озабочено не столько собственной безопасностью, сколько вопросом о месте заседаний будущего Учредительного собрания. Но и на этой позиции удержаться не удалось. Менее чем через неделю правительство оказалось вынужденным заявить, что оно не только собирается само оставаться в Зимнем дворце, но по-прежнему предполагает созвать в Таврическом дворце Учредительное собрание. В военной и политической обстановке это заявление ничего не меняло. Но оно снова обнаруживало политическую силу Петрограда, который считал своей миссией покончить с правительством Керенского и не выпускал его из своих стен. Перенести столицу в Москву посмели впоследствии только большевики. Они выполнили эту задачу без всяких затруднений, потому что для них она была действительно стратегической: политических причин бежать из Петрограда у них быть не могло.

Покаянное заявление о защите столицы сделано было правительством по требованию соглашательского большинства комиссии Совета российской республики, или предпарламента. Это причудливое учреждение успело наконец появиться на свет. Плеханов, который любил и умел шутить, непочтительно назвал бессильный и недолговечный Совет республики «избушкой на курьих ножках». Политически это определение было не лишено меткости. Надо лишь прибавить, что в качестве избушки предпарламент выглядел весьма недурно: ему отведен был великолепный Мариинский дворец, служивший ранее прибежищем Государственному совету. Контраст нарядного дворца с запущенным и пропитанным солдатскими запахами Смольным поразил Суханова. «Среди всего этого великолепия, – признается он, – хотелось отдохнуть, забыть о трудах и борьбе, о голоде и войне, о развале и анархии, о стране и революции». Но для отдыха и забвения оставалось слишком мало времени.

Так называемое «демократическое» большинство предпарламента состояло из 308 человек: 120 эсеров, в том числе около 20 левых, 60 меньшевиков разного оттенка, 66 большевиков; дальше шли кооператоры, делегаты крестьянского Исполкома и пр. Имущим классам предоставлено было 156 мест, из которых почти половину заняли кадеты. Вместе с кооператорами, казаками и достаточно консервативными членами крестьянского Исполкома правое крыло по ряду вопросов было близко к большинству. Распределение мест в комфортабельной избушке на курьих ножках находилось, таким образом, в вопиющем противоречии со всеми решительно волеизъявлениями города и деревни. Зато, в противовес серым советским и иным представительствам, Мариинский дворец собрал в своих стенах «цвет нации». Так как члены предпарламента не зависели от случайностей избирательной конкуренции, от местных влияний и провинциальных предпочтений, то каждая общественная группа, каждая партия посылала наиболее своих видных вождей. Личный состав оказался, по свидетельству Суханова, «исключительно блестящ». Когда предпарламент собрался на первое заседание, у многих скептиков, по словам Милюкова, отлегло от сердца: «Хорошо,

если Учредительное собрание будет не хуже этого». «Цвет нации» с удовлетворением глядел на себя в дворцовые зеркала, не замечая, что он – пустоцвет.

Открывая 7 октября Совет республики, Керенский не упустил случая напомнить, что, хотя правительство обладает «всей полнотой власти», тем не менее оно готово выслушать «все настоящие ценные указания»: будучи абсолютным, правительство не переставало быть просвещенным. В пятичленном президиуме, при председателе Авксентьеве, одно место было предоставлено большевикам – оно останется незанятым. У режиссеров жалкой и невеселой комедии мутило на душе. Весь интерес серого открытия в серый дождливый день заранее сосредоточился на предстоящем выступлении большевиков. В кулуарах Мариинского дворца распространился, по словам Суханова, «сенсационный слух: Троцкий победил большинством двух или трех голосов... и большевики сейчас уйдут из предпарламента». На самом деле решение демонстративно уйти из Мариинского дворца принято было 5-го на заседании большевистской фракции всеми голосами против одного – так велик был сдвиг влево за истекшие две недели! Лишь Каменев сохранил верность первоначальной позиции, вернее, он один отважился открыто отстаивать ее. В особом заявлении, адресованном в ЦК, Каменев без обиняков характеризовал принятый курс как «весьма опасный для партии». Неясные намерения большевиков вызывали известное беспокойство в среде предпарламента: «боялись, собственно, не потрясения режима, а «скандала» пред лицом союзных дипломатов, которых большинство только что приветствовало подобающим залпом патриотических рукоплесканий. Суханов рассказывает, как к большевикам отрядили официальное лицо – самого Авксентьева – для предварительного запроса: что произойдет? «Пустяки, – ответил Троцкий, – пустяки, маленький пистолетный выстрел».

После открытия заседания Троцкому предоставлено было, на основании перенятого по наследству от Государственной думы регламента, десять минут для внеочередного заявления от имени большевистской фракции. В зале воцаряется напряженное молчание. Декларация начиналась с установления, что власть сейчас столь же безответственна, как и до Демократического совещания, созывавшегося якобы для обуздания Керенского, и что представители имущих классов вошли во Временный совет в таком количестве, на какое они не имеют ни малейшего права. Если бы буржуазия действительно готовилась к Учредительному собранию через полтора месяца, ее вожди не имели бы оснований отстаивать сейчас с таким ожесточением безответственность власти даже пред подтасованным представительством. «Вся суть в том, что буржуазные классы поставили себе целью сорвать Учредительное собрание». Удар попадает в цель. Тем более бурно протестует правое крыло. Не отклоняясь от текста декларации, оратор бичует промышленную, аграрную и продовольственную политику правительства: нельзя было бы вести иного курса, если бы даже поставить себе сознательной целью толкать массы на путь восстания. «Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам... приемлется, как естественное звено общей политики, которая должна облегчить... контрреволюционный заговор. Протесты перерастают в бурю. Крики о Берлине, о немецком золоте, о plombированном вагоне, и на этом общем фоне, как бутылочный осколок в грязи, – уличная брань». Никогда ничего подобного не случилось во время самых страстных боев в грязном, запущенном, заплеванном солдатами Смольном. «Достаточно было попасть нам в хорошее общество Мариинского дворца... – пишет Суханов, – чтобы немедленно восстановилась кабацкая атмосфера, которая царила в цензовой Государственной думе».

Прокладывая себе дорогу через взрывы ненависти, чередующиеся с моментами затишья, оратор заканчивает: «Мы, фракция большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего... Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабо-

чих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!.. Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам!»

Оратор сходит с трибуны. Несколько десятков большевиков покидают зал среди напутственных проклятий. После минут тревоги большинство готово вздохнуть с облегчением. Ушли одни большевики – цвет нации остается на посту. Только левый фланг соглашателей пригнулся под ударом, направленным, казалось, не против него. «Мы, ближайшие соседи большевиков, – признается Суханов, – сидели совершенно удрученные всем происшедшим». Чистые рыцари слова почувствовали, что время слов прошло.

Министр иностранных дел Терещенко в секретной телеграмме русским послам сообщал об открытии предпарламента: «Первое заседание прошло очень бледно, за исключением скандала, устроенного большевиками». Исторический разрыв пролетариата с государственной механикой буржуазии воспринимался этими людьми как простой «скандал». Буржуазная печать не упустила случая подстегнуть правительство ссылками на решимость большевиков: господа министры тогда лишь выведут страну из анархии, когда у них «будет столько же решимости и воли к действию, сколько ее у товарища Троцкого». Как будто дело шло о решимости и воле отдельных лиц, а не об исторической судьбе классов. И как будто отбор людей и характеров происходил независимо от исторических задач. «Они говорили и действовали, – писал Милюков по поводу ухода большевиков из предпарламента, – как люди, чувствующие за собой силу, знающие, что завтрашний день принадлежит им». Потеря Моонзундских островов, возросшая опасность Петрограду и выход большевиков из предпарламента на улицу заставили соглашателей призадуматься над тем, как быть дальше с войною. После трехдневных обсуждений с участием военного и морского министров, комиссаров и делегатов армейских организаций ЦИК нашел наконец спасительное решение: «настаивать на участии представителей русской демократии на парижской конференции союзников». После новых трудов представителем назначили Скобелева. Был выработан детальный наказ: мир без аннексий и контрибуций, нейтрализация проливов, также Суэцкого и Панамского каналов – географический кругозор соглашателей был шире политического, – отмена тайной дипломатии, постепенное разоружение. ЦИК разъяснил, что участие его делегатов в парижских совещаниях «имеет целью произвести давление на союзников». Давление Скобелева на Францию, Великобританию и Соединенные Штаты! Кадетская газета ставила ядовитый вопрос: как поступит Скобелев, если союзники без церемоний отвергнут его условия? «Пригрозит ли он новым воззванием к народам всего мира?» Увы, соглашатели давно уже стеснялись собственного старого воззвания.

Собираясь навязать Соединенным Штатам нейтрализацию Панамского канала, ЦИК на деле оказывался не способен произвести давление даже на Зимний дворец. 12-го Керенский отправил Ллойд Джорджу обширное письмо, полное нежных упреков, горестных жалоб и горячих обещаний. Фронт находится «в лучшем положении, чем был прошлой весной». Конечно, пораженческая пропаганда – русский премьер жалуется британскому на русских большевиков – помешала выполнить все намеченные цели. Но о мире не может быть и речи. Правительство знает один вопрос: «как продолжать войну». Разумеется, под залог своего патриотизма Керенский просил о кредитах.

Освободившийся от большевиков предпарламент тоже не терял времени: 10-го открылись прения о поднятии боеспособности армии. Занявший три томительных заседания диалог развивался по неизменной схеме. Надо убедить армию, что она воюет за мир и демократию, говорили слева. Убедить нельзя, надо заставить, возражали справа. Заставить нечем: чтобы заставить, надо сперва хоть отчасти убедить, отвечали соглашатели. По части убеждения большевики сильнее вас, возражали кадеты. Обе стороны были правы. Но и утопающий прав, когда издает вопли, прежде чем пойти ко дну.

18-го наступил час решения, которое в природе вещей изменить ничего не могло. Формула эсеров собрала 95 голосов против 127 при 50 воздержавшихся. Формула правых – 135 голосов против 139. Поразительно, нет большинства! В зале, по отчетам газет, «общее движение и смущение». Несмотря на единство цели, цвет нации оказался не способен вынести хотя бы платоническое решение по наиболее острому вопросу национальной жизни. Это не было случайностью: то же самое повторялось изо дня в день по всем остальным вопросам, в комиссиях, как и на пленуме. Осколки мнений не суммировались. Все группы жили неуловимыми оттенками политической мысли: сама мысль отсутствовала. Может быть, она ушла на улицу с большевиками?.. Тупик предпарламента был тупиком режима.

Переубедить армию было трудно, но и принудить ее было нельзя. На новый окрик Керенского по адресу Балтийского флота, выдерживавшего бои и несшего жертвы, съезд моряков обратился к ЦИКу с требованием удалить из рядов Временного правительства «лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом Великую революцию». Такого языка Керенский не слышал раньше и от матросов. Областной комитет армии, флота и русских рабочих в Финляндии, действовавший как власть, задержал правительственные грузы. Керенский пригрозил арестом советских комиссаров. Ответ гласил: «Областной комитет спокойно принимает вызов Временного правительства». Керенский смолчал. По сути, Балтийский флот уже находился в состоянии восстания.

На сухопутном фронте дело еще не зашло так далеко, но развивалось в том же направлении. Продовольственное положение в течение октября быстро ухудшалось. Главнокомандующий Северным фронтом доносил, что голод является «главной причиной морального разложения армии». В то время как соглашательские верхушки на фронте продолжали твердить, правда уже только за спиной солдат, о поднятии боеспособности армии, снизу полк за полком выдвигал требование опубликования тайных договоров и немедленного предложения мира. Жданов, комиссар Западного фронта, доносил в первые дни октября: «Настроенные крайне тревожные в связи с близостью холодов и ухудшением питания... Определенным успехом пользуются большевики». Правительственные учреждения на фронте повисали в воздухе. Комиссар 3-й армии доносит, что военные суда не могут действовать, так как солдаты-свидетели отказываются являться для дачи показаний. «Взаимоотношения командного состава и солдат обострились. Офицеров считают виновниками затягивания войны». Вражда солдат к правительству и командному составу давно уже перенеслась на армейские комитеты, не обновлявшиеся с начала революции. Через их головы полки посылают делегатов в Петроград, в Совет, жаловаться на невыносимое положение в окопах – без хлеба, без обмундирования, без веры в войну. На Румынском фронте, где большевики очень слабы, целые полки отказываются стрелять. «Через две-три недели солдаты сами объявят перемирие и сложат оружие». Делегаты одной из дивизий сообщают: «Солдаты с появлением первого снега решили разойтись по домам». Делегация 33-го корпуса угрожала на пленуме Петроградского Совета: если не будет настоящей борьбы за мир, «солдаты сами возьмут власть в свои руки и устроят перемирие». Комиссар 2-й армии доносит военному министру: «Немало разговоров о том, что с наступлением холодов покинут позиции».

Почти прекратившееся после июльских дней братание возобновилось и быстро росло. Снова стали после затишья учащаться случаи не только ареста солдатами офицеров, но и убийства наиболее ненавистных. Расправа производилась почти открыто, на глазах у солдат. Никто не вступался: большинство не хотело, маленькое меньшинство не смело. Убийца всегда успевал скрыться, как будто тонул бесследно в солдатской массе. Один из генералов писал: «Мы судорожно цепляемся за что-то, молим о каком-то чуде, но большинство понимает, что спасения уже нет».

Сочетая коварство с тупоумием, патриотические газеты продолжали писать о продолжении войны, о наступлении и победе. Генералы качали головами, некоторые двусмысленно

подпевали. «Мечтать сейчас о наступлении, – писал 7-го барон Будберг, командир корпуса, стоявшего около Двинска, – могут только совершенно безумные люди». Уже через день он вынужден занести в тот же дневник: «Ошеломлен и ошарашен получением директивы о предстоящем не позже 20 октября наступлении». Штабы, ни во что не верившие и на все махнувшие рукой, вырабатывали планы новых операций. Немало было генералов, которые видели последнее спасение в том, чтобы повторить опыт Корнилова с Ригой в грандиозном масштабе: втянуть армию в бой и попытаться обрушить поражение на голову революции.

По инициативе военного министра Верховского постановлено было уволить старшие возрасты в запас. Железные дороги затрещали под натиском возвращающихся солдат. В перегруженных вагонах ломались рессоры и проваливались полы. Настроение остающихся от этого не становилось лучше. «Окопы разваливаются, – пишет Будберг. – Ходы сообщений заплыли; всюду отбросы и экскременты... Солдаты наотрез отказываются работать по приборке окопов... Страшно подумать, к чему все это приведет, когда наступит весна и все это начнет гнить и разлагаться». В состоянии ожесточенной пассивности солдаты повально отказывались даже от предохранительных прививок – это тоже стало формой борьбы против войны.

После тщетных попыток поднять боеспособность армии путем сокращения ее численности Верховский внезапно пришел к выводу, что спасти страну может только мир. На частном совещании с кадетскими вождями, которых молодой и наивный министр надеялся перетянуть на свою сторону, Верховский развернул картину материального и духовного развала армии: «Всякие попытки продолжать войну могут только приблизить катастрофу». Кадеты не могли этого не понимать, но, при молчании остальных, Милюков презрительно пожимал плечами: «достоинство России», «верность союзникам»... Не веря ни одному из этих слов, вождь буржуазии упорно стремился похоронить революцию под развалинами и трупами войны. Верховский проявил политическую смелость: без ведома и предупреждения правительства он выступил 20-го в комиссии предпарламента с заявлением о необходимости немедленно заключить мир независимо от согласия или несогласия союзников. Против него бешено ополчились все те, которые в частных беседах соглашались с ним. Патриотическая печать писала, что военный министр «вскочил на запятки колесницы товарища Троцкого». Бурцев намекал на немецкое золото. Верховского уволили в отпуск. С глазу на глаз патриоты повторяли: по существу, он прав. Будберг даже в дневнике проявлял осторожность. «С точки зрения верности слову, – писал он, – предложение, конечно, коварное, ну а с точки зрения эгоистических интересов России, быть может, единственное, дающее надежду на спасительный исход». Попутно барон признавался в своей зависти немецким генералам, которым «судьба дает счастье быть творцами побед». Он не предвидел, что скоро наступит очередь и для немецких генералов. Эти люди вообще ничего не предвидели, даже наиболее умные из них. Большевики предвидели многое, и это составляло их силу.

Уход из предпарламента взрывал на глазах народа последние мосты, которые еще связывали партию восстания с официальным обществом. С новой энергией – близость цели удваивает силы – большевики повели агитацию, которую противники называли демагогией, потому что она выносила на площадь то, что сами они прятали в кабинетах и канцеляриях. Убедительность этой неутомимой проповеди слагалась из того, что большевики понимали ход развития, подчиняли ему свою политику, не боялись масс, несокрушимо верили в свою правоту и в свою победу. Народ не уставал их слушать. У масс была потребность держаться вместе, каждый хотел проверять себя через других, и все внимательно и напряженно следили за тем, как одна и та же мысль поворачивалась в их сознании разными своими оттенками и чертами. Бесконечные толпы стояли у цирков и других больших помещений, где выступали наиболее популярные большевики с последними выводами и последними призывами.

Число руководящих агитаторов сильно убавилось к октябрю. Не хватало прежде всего Ленина как агитатора и еще более как непосредственного повседневного вдохновителя. Не хватало его простых и глубоких обобщений, которые прочно ввинчивались в сознание масс, его ярких словечек, подхваченных у народа и ему же возвращенных. Не хватало первоклассного агитатора Зиновьева: скрываясь от преследований по обвинению в июльском «восстании», он решительно повернулся против октябрьского восстания и тем самым на весь критический период сошел с поля действия. Каменев, незаменимый пропагандист, опытный политический инструктор партии, осуждал курс на восстание, не верил в победу, видел впереди катастрофу и угрюмо уходил в тень. Свердлов, по природе больше организатор, чем агитатор, часто выступал на массовых собраниях, и его ровный, могучий и неутомимый бас распространял спокойную уверенность. Сталин не был ни агитатором, ни оратором. Он не раз фигурировал в качестве докладчика на партийных совещаниях. Но выступал ли он хоть раз на массовых собраниях революции? В документах и воспоминаниях не сохранилось на этот счет никаких следов.

Яркую агитацию вели Володарский, Лашевич, Коллонтай, Чудновский. За ними следовали десятки агитаторов меньшего калибра. С интересом и симпатией, к которой у более развитых примешивалась снисходительность, слушали Луначарского, опытного оратора, который умел преподнести и факт, и обобщение, и пафос, и шутку, но который не притязал никого вести: он сам нуждался в том, чтобы его вели. По мере приближения к перевороту Луначарский быстро терял краски и увядал.

Суханов рассказывает о председателе Петроградского Совета: «Отрываясь от работы в революционном штабе, (он) летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние – и в массах и в штабе – было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории.

Но неизмеримо более действительной являлась в этот последний период перед переворотом та молекулярная агитация, которую вели безыменные рабочие, матросы, солдаты, завоеывая единомышленников поодиночке, разрушая последние сомнения, побеждая последние колебания. Месяцы лихорадочной политической жизни создали многочисленные низовые кадры, воспитали сотни и тысячи самородков, которые привыкли наблюдать политику снизу, а не сверху и именно поэтому оценивали факты и людей с меткостью, далеко не всегда доступной ораторам академического склада. На первом месте стояли питерские рабочие, потомственные пролетарии, выделившие слой агитаторов и организаторов исключительного революционного закала, высокой политической культуры, самостоятельных в мысли, в слове, в действии. Токари, слесари, кузнецы, воспитатели цехов и заводов имели вокруг себя уже свои школы, своих учеников, будущих строителей Республики Советов. Балтийские матросы, ближайшие сподвижники питерских рабочих, в значительной мере вышедшие из их же среды, выдвинули бригады агитаторов, которые брали с бою отсталые полки, уездные города, мужицкие волости. Обобщающая формула, брошенная в цирке «Модерн» кем-либо из революционных вождей, наполнялась в сотнях мыслящих голов плотью и кровью и совершала затем круговорот по всей стране.

Из Прибалтийского края, из Польши и Литвы тысячи революционных рабочих и солдат эвакуировались при отступлении русских армий вместе с промышленными предприятиями или в одиночку – все это были агитаторы против войны и ее виновников. Большевики-латыши, оторванные от родной почвы и целиком ставшие на почву революции, убежденные, упорные, решительные, вели изо дня в день подрывную работу во всех частях страны. Угловатые лица, жесткий акцент и ломаные нередко русские фразы придавали особую выразительность их неукротимым призывам к восстанию.

Масса уже не терпела в своей среде колеблющихся, сомневающих, нейтральных. Она стремилась всех захватить, привлечь, убедить, завоевать. Заводы совместно с полками посылали делегатов на фронт. Окопы связывались с рабочими и крестьянами ближайшего тыла. В прифронтовых городах происходили бесчисленные митинги, совещания, конференции, на которых солдаты и матросы согласовывали свои действия с рабочими и крестьянами; отсталая прифронтовая Белоруссия была, таким образом, завоевана для большевизма.

Там, где местное партийное руководство было нерешительно, выжидательно, как, например, в Киеве, Воронеже и многих других местах, массы нередко впадали в пассивность. В оправдание своей политики руководители ссылались на упадочные настроения, которые они же вызывали. Наоборот, «чем решительнее и смелее был призыв к восстанию, — пишет Поволжский, один из агитаторов Казани, — тем доверчивее и дружнее относилась солдатская масса к оратору».

Заводы и полки Петрограда и Москвы все настойчивее стучались в деревянные ворота деревни. В складчину рабочие посылали делегатов в родные им губернии. Полки постановляли призывать крестьян на поддержку большевиков. Рабочие предприятий, расположенных вне городов, совершали паломничества по окружающим деревням, разносили газеты, закладывали большевистские ячейки. Из этих обходов они приносили в зрачках глаз отблеск пожаров крестьянской войны.

Большевизм завоевывал страну. Большевики становились непреодолимой силой. За ними шел народ. Городские думы Кронштадта, Царицына, Костромы, Шуи, выбранные на основе всеобщего голосования, были в руках большевиков. 52 процента голосов получили большевики при выборе районных дум Москвы. В далеком и мирном Томске, как и в совсем непромышленной Самаре, они оказались в думе на первом месте. Из четырех гласных Шлиссельбургского уездного земства прошло три большевика. В Лиговском уездном земстве большевики собрали 50 % голосов. Не везде дело обстояло так благоприятно. Но везде оно изменялось в том же направлении: удельный вес большевистской партии быстро повышался.

Гораздо ярче большевизация масс обнаруживалась, однако, в классовых организациях. Профессиональные союзы объединяли в столице свыше полумиллиона рабочих. Те меньшевики, которые сохраняли еще в своих руках правления некоторых союзов, сами себя чувствовали пережитком вчерашнего дня. Какая бы часть пролетариата ни собралась и каковы бы ни были ее непосредственные задачи, она неизбежно приходила к большевистским выводам. И не случайно: профессиональные союзы, заводские комитеты, экономические и просветительные объединения рабочего класса, постоянные и временные, всей обстановкой вынуждались ставить по поводу каждой частной задачи один и тот же вопрос: кто хозяин в доме?

Рабочие заводов артиллерийского ведомства, созванные на конференцию для урегулирования отношений с администрацией, отвечают, как этого достигнуть: через власть советов. Это уже не голая формула, а программа хозяйственного спасения. Приближаясь к власти, рабочие все конкретнее подходят к вопросам промышленности: артиллерийская конференция создала даже особый центр для разработки методов перехода военных заводов на мирное производство.

Московская конференция фабрично-заводских комитетов признала необходимым, чтобы местный совет, в порядке декретов, разрешал впредь все стачечные конфликты, открывал собственной властью предприятия, закрытые локаутчиками, и путем посылки своих делегатов в Сибирь и в Донецкий бассейн обеспечил заводы хлебом и углем. Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов посвящает свое внимание аграрному вопросу и вырабатывает по докладу Троцкого манифест к крестьянам: пролетариат чувствует себя не только особым классом, но и руководителем народа.

Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов во второй половине октября поднимает вопрос о рабочем контроле на высоту общенациональной задачи. «Рабочие больше владельцев заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий». Рабочий контроль «лежит в интересах всей страны и должен быть поддержан революционным крестьянством и революционной армией». Резолюция, открывающая дверь новому экономическому порядку, выносится представителями всех промышленных предприятий России против 5 голосов при 9 воздержавшихся. Немногие единицы воздержавшихся – это те старые меньшевики, которые уже не могут идти со своей партией, но еще не решаются открыто поднимать руку за большевистский переворот. Завтра они это сделают.

Совсем недавно созданные демократические муниципалитеты отмирают параллельно с органами правительственной власти. Важнейшие задачи, как обеспечение городов водою, светом, топливом, продовольствием, все больше ложатся на советы и другие рабочие организации. Заводский комитет осветительной станции в Петрограде рыскал по городу и окраинам, разыскивая то уголь, то масло для турбин, и добывал то и другое через комитеты других предприятий, в борьбе с собственниками и администрацией.

Нет, власть советов не была химерой, произвольной конструкцией, изобретением партийных теоретиков. Она непреодолимо росла снизу, из распада хозяйства, бессилия имущих, нужды масс; советы на деле становились властью – для рабочих, солдат, крестьян иного пути не оставалось. О власти советов уже не время было мудрить и препираться: ее нужно было осуществлять.

На первом съезде советов, в июне, постановлено было собирать съезды три месяца. ЦИК, однако, не только не созвал второго съезда в срок, но обнаруживал намерение вообще не созывать его, чтоб не оказаться лицом к лицу с враждебным большинством. Демократическое совещание главной своей целью имело оттеснить советы, заменив их органами «демократии». Но это оказалось не так просто. Советы не собирались уступать дорогу кому бы то ни было.

21 сентября, к концу Демократического совещания, Петроградский Совет поднял голос за скорейший созыв съезда советов. В этом смысле вынесена была, по докладам Троцкого и московского гостя Бухарина, резолюция, формально исходившая из необходимости готовиться к «новой волне контрреволюции». Программа обороны, пролагавшая дорогу будущему наступлению, опиралась на советы, как на единственные организации, способные к борьбе. Резолюция требовала, чтобы советы укрепляли свои позиции в массах. Где в их руках фактическая власть, они ни в каком случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные в корниловские дни, должны оставаться наготове. «Для объединения и согласования действий всех советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопросов об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда советов». Так, оборонительная резолюция упирается в низвержение правительства. По этому политическому камертону пойдет отныне агитация до самого момента восстания.

Съехавшиеся на совещание делегаты советов поставили на следующий день вопрос о съезде перед ЦИКом. Большевики требовали созвать съезд в двухнедельный срок и предлагали, вернее, угрожали создать для этой цели особый орган, опирающийся на Петроградский и Московский советы. На самом деле они предпочитали, чтобы съезд был созван старым ЦИКом: это заранее устраняло споры о правомочности съезда и позволяло опрокинуть соглашателей при их собственном содействии. Полузамаскированная угроза большевиков подействовала: не рискуя пока еще рвать с советской легальностью, вожди ЦИКа заявили, что никому не передоверят выполнения своей обязанности. Съезд был назначен на 20 октября, менее чем через месяц.

Стоило, однако, разъехаться провинциальным делегатам, как у вождей ЦИКа сразу раскрылись глаза на то, что съезд несвоевременен, оторвет местных работников от избиратель-

ной кампании и повредит Учредительному собранию. Действительное опасение состояло в том, что съезд явится могущественным претендентом на власть; но об этом дипломатически умалчивалось. 26 сентября Дан спешил уже внести в Бюро ЦИК, не позаботившись о необходимой подготовке, предложение об отсрочке съезда.

С элементарными принципами демократизма эти патентованные демократы церемонились меньше всего. Только что они опрокинули постановление ими же созванного Демократического совещания, отклонившее коалицию с кадетами. Теперь они обнаружили свое суверенное презрение к советам, начиная с Петроградского, на плечах которого они поднялись к власти. Да и могли ли они, в самом деле, не разрывая союза с буржуазией, принимать в расчет надежды и требования десятков миллионов рабочих, солдат и крестьян, стоявших за советами?

Троцкий ответил на предложение Дана в том смысле, что съезд все равно будет созван если не конституционным, то революционным путем. Столь покорное в общем Бюро отказалось на этот раз следовать по пути советского *coup d'état*. Но маленькое поражение отнюдь не заставило заговорщиков сложить оружие, наоборот, как бы подзадорило их. Дан нашел влиятельную опору в Военной секции ЦИКа, которая решила «запросить» фронтовые организации, созывать ли съезд, т. е. выполнять ли решение, дважды вынесенное высшим советским органом. В промежутке соглашательская печать открыла кампанию против съезда. Особенно неистовствовали эсеры. «Будет ли созван съезд или не будет, – писало «Дело народа», – для разрешения вопроса о власти это не может иметь никакого значения... Правительство Керенского ни в коем случае не подчинится». «Чему не подчинится?» – спрашивал Ленин. «Власти советов, – пояснил он, – власти рабочих и крестьян, которую “Дело народа”, чтобы не оставаться позади погромщиков и антисемитов, монархистов и кадетов, называет властью Троцкого и Ленина».

Крестьянский Исполнительный комитет признал со своей стороны созыв съезда «опасным и нежелательным». На советских верхах воцарилась злонамеренная путаница. Разъезжавшие по стране делегаты соглашательских партий мобилизовали местные организации против съезда, официально созывавшегося верховным советским органом. Официоз ЦИКа печатал изо дня в день заказанные руководящей соглашательской кликой резолюции против съезда, исходившие сплошь от мартовских призраков, правда носивших внушительные наименования. «Известия» хоронили советы в передовой статье, объявляя их временными бараками, которые должны быть снесены, как только Учредительное собрание увенчает «здание нового строя».

Агитация против съезда меньше всего могла застигнуть большевиков врасплох. Уже 24 сентября ЦК партии, не полагаясь на решение ЦИКа, постановил поднять снизу, через местные советы и фронтовые организации, кампанию за съезд. В официальную комиссию ЦИКа по созыву, вернее, по саботажу съезда, от большевиков делегирован был Свердлов. Под его руководством мобилизованы были местные организации партии, а через них и советы. 27-го все революционные учреждения Ревеля потребовали немедленно распустить предпарламент и созвать для создания власти съезд советов, причем торжественно обязались поддержать его «всеми имеющимися в крепости силами и средствами». Многие местные советы, начиная с районов Москвы, предложили изъять дело созыва съезда из рук нелояльного ЦИКа. Навстречу резолюциям армейских комитетов против съезда потекли требования съезда со стороны батальонов, полков, корпусов, местных гарнизонов. «Съезд советов должен взять власть, не останавливаясь ни перед чем», – говорит общее собрание солдат в Кыштыме, на Урале. Солдаты Новгородской губернии призывают крестьян участвовать в съезде, невзирая на постановление крестьянского Исполнительного комитета. Губернские советы, уездные, притом самых далеких углов, заводы и рудники, полки, дредноуты,

миноносцы, военные лазареты, митинги, автомобильная рота в Петрограде и перевязочные отряды в Москве все требуют устранения правительства и передачи власти советам.

Не ограничиваясь агитационной кампанией, большевики создали для себя важную организационную базу, созвав съезд советов Северной области в составе 150 делегатов от 23 пунктов. Это был хорошо рассчитанный удар! ЦИК, под руководством своих великих мастеров на малые дела, объявил Северный съезд частным совещанием. Горсть меньшевистских делегатов не принимала участия в работах съезда, оставаясь лишь «с информационными целями». Как будто это могло хоть на йоту умалить значение съезда, на котором были представлены советы Петрограда и периферии, Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса и Ревеля, т. е. обеих столиц, морских крепостей, Балтийского флота и окружающих Петроград гарнизонов. Открытый Антоновым съезд, которому намеренно придавалась военная окраска, прошел под председательством прапорщика Крыленко, лучшего агитатора партии на фронте, будущего большевистского Верховного главнокомандующего. В центре политического доклада Троцкого стояла попытка правительства вывести из Петрограда революционные полки: съезд не позволит «обезоружить Петроград и задушить Совет». Вопрос о Петроградском гарнизоне есть элемент основной проблемы о власти. «Весь народ голодает за большевиков. Народ нам доверяет и поручает взять власть в свои руки». Предложенная Троцким резолюция гласит: «Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех советов может быть... решен вопрос о центральной власти». Этот почти незамаскированный призыв к восстанию принят всеми голосами при трех воздержавшихся.

Лашевич призывал советы сосредоточивать в своих руках, по примеру Петрограда, расположение местными гарнизонами. Латышский делегат Петерсон обещал на защиту съезда советов 40 000 латышских стрелков. Восторженно встреченное заявление Петерсона меньше всего было фразой. Через несколько дней Совет латышских полков провозгласил: «Только народное восстание... сделает возможным переход власти в руки советов». Радиостанции военных кораблей распространили 13-го по всей стране призыв Северного съезда готовиться ко Всероссийскому съезду Советов. «Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие! Ваш долг опрокинуть все препятствия...»

Большевистским делегатам Северного съезда ЦК партии предложил не разъезжаться из Петрограда в ожидании близкого уже съезда советов. Отельные делегаты, по поручению избранного съездом Бюро, отправились по армейским организациям и местным советам с докладами, другими словами, готовить провинцию к восстанию. ЦИК увидел рядом с собою мощный аппарат, опиравшийся на Петроград и Москву, разговаривавший со страной через радиостанции дредноутов и готовый в любой момент заменить обветшавший верховный советский орган в деле созыва съезда. Мелкие организационные уловки помочь соглашателям никак не могли.

Борьба за и против съезда дала на местах последний толчок большевизации советов. В ряде отсталых губерний, например Смоленской, большевики, одни или вместе с левыми эсерами, получили впервые большинство только во время кампании за съезд или при выборах делегатов. Даже на сибирском съезде советов большевикам удалось в середине октября создать вместе с левыми эсерами прочное большинство, которое легко наложило свою печать на все местные советы. 15-го Киевский Совет 159 голосами против 28 при 3 воздержавшихся признал будущий съезд советов «суверенным органом власти». 16-го съезд советов Северо-Западной области в Минске, т. е. в центре Западного фронта, признал созыв съезда неотложным, 18-го Петроградский Совет произвел выборы на предстоящий съезд: за большевистский список (Троцкий, Каменев, Володарский, Юренев и Лашевич) подано 443 голоса, за эсеров – 162; все это левые эсеры, тяготеющие к большевикам; за меньшевиков 44 голоса. Заседавший под председательством Крестинского съезд уральских советов, где на 110 делегатов приходилось 80 большевиков, потребовал от имени 223 900 организованных

рабочих и солдат созвать съезд советов в назначенный срок. В тот же день, 19-го, Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, наиболее непосредственное и неоспоримое представительство пролетариата всей страны, высказалась за немедленный переход власти в руки советов, 20-го Иваново-Вознесенск объявил все советы губернии стоящими «на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством» и призвал их самостоятельно разрешать хозяйственные и административные вопросы на местах. Против резолюции, означавшей низвержение местных правительственных властей, поднялся всего один голос при одном воздержавшемся, 22-го большевистская пресса опубликовала новый список 56 организаций, требовавших перехода власти к советам. Это все сплошь подлинные массы, в значительной мере – вооруженные.

Мощная переключка отрядов будущего переворота не помешала Дану докладывать в Бюро ЦИКа, что из 917 существующих советских организаций только 50 ответили согласием прислать делегатов, да и то «без всякого воодушевления». Можно понять без труда, что те немногие советы, которые еще считали нужным поверять свои чувства ЦИК у, относились к съезду без воодушевления. Однако подавляющее большинство местных советов и воинских комитетов попросту игнорировали ЦИК.

Обнажив и скомпрометировав себя работой по срыву съезда, соглашатели не посмели, однако, довести дело до конца. Когда выяснилось с очевидностью, что избежать съезда не удастся, они совершили резкий поворот, призвав все местные организации выбирать делегатов на съезд, чтобы не дать большевикам большинства. Но, спохватившись слишком поздно, ЦИК увидел себя вынужденным за три дня до назначенного срока отложить съезд до 25 октября.

Февральский режим и с ним буржуазное общество получили, благодаря последнему маневру соглашателей, неожиданную отсрочку, из которой они ничего существенного извлечь, однако, уже не могли. Зато большевики использовали пять дополнительных дней с большим успехом. Позже это признали и враги. «Отсрочкой выступления, – рассказывает Милуков, – большевики воспользовались прежде всего для закрепления своих позиций среди петроградских рабочих и солдат. Троцкий появлялся на митингах в разных частях петроградского гарнизона. Созданное им настроение характеризуется тем, что, например, в Семеновском полку выступившим после него членам Исполнительного комитета, Скобелеву и Гоцу, не дали говорить».

Поворот Семеновского полка, имя которого было вписано в историю революции зловещими письмами, имел символическое значение: в декабре 1905 года семеновцы выполнили главную работу по разгрому восстания в Москве. Командир полка генерал Мин приказывал: «Арестованных не иметь». На железнодорожном участке Москва – Голутвино семеновцы расстреляли 150 рабочих и служащих. Обласканный за свои подвиги царем генерал Мин был осенью 1906 года убит эсеркой Коноплянниковой. Весь в сетях старых традиций. Семеновский полк держался дольше большинства других гвардейских частей. Репутация его «надежности» была так тверда, что, несмотря на плачевную неудачу Скобелева и Гоца, правительство упорно продолжало рассчитывать на семеновцев вплоть до дня переворота и даже после того.

Вопрос о съезде советов оставался центральным политическим вопросом в течение пяти недель, отделявших Демократическое совещание от Октябрьского восстания. Уже декларация большевиков на Демократическом совещании провозглашала будущий съезд советов суверенным органом страны. «Только те решения и предложения настоящего совещания... могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Резолюция за бойкот предпарламента, поддержанная половиной членов ЦК против другой половины, гласила: «Вопрос об участии нашей партии в предпарламенте мы ставим сейчас в прямую зависи-

мость от тех мер, которые предпримет Всероссийский съезд советов, дабы создать революционную власть». Апелляция к съезду советов проходит через все большевистские документы этого периода почти без исключения.

При разгорающейся крестьянской войне, обостряющемся национальном движении, углубляющейся разрухе, распадающемся фронте, расплзающемся правительстве советы становятся единственным оплотом творческих сил. Всякий вопрос превращается в вопрос о власти, а проблема власти ведет к съезду советов. Он должен будет дать ответ на все вопросы, в том числе и на вопрос об Учредительном собрании.

Ни одна из партий не снимала еще лозунга Учредительного собрания, в том числе и большевики. Но почти незаметно в ходе событий революции главный демократический лозунг, в течение полутора десятилетий окрашивавший своим цветом героическую борьбу масс, побледнел, вылинял, как бы стерся между жерновами, стал пустой шелухой, голой формой без содержания, традицией, а не перспективой. В этом процессе не было ничего загадочного. Развитие революции упиралось в непосредственную схватку из-за власти между двумя основными классами общества: буржуазией и пролетариатом. Ни одной, ни другому Учредительное собрание уж ничего дать не могло. Мелкая буржуазия города и деревни могла в этой схватке играть лишь вспомогательную и второстепенную роль. Брать в собственные руки власть она была во всяком случае не способна: если предшествующие месяцы что-либо доказали, так именно это. Между тем в Учредительном собрании мелкая буржуазия могла еще получить – и действительно получила впоследствии – большинство. Для чего? Только для того, чтобы не знать, какое употребление из него сделать. В этом и выражалась несостоятельность формальной демократии на глубоком историческом переломе. Сила традиции сказала в том, что даже накануне последней схватки от имени Учредительного собрания ни один из лагерей еще не отрекался. Но фактически буржуазия апеллировала от Учредительного собрания к Корнилову, а большевики – к съезду советов.

Можно с уверенностью предположить, что довольно широкие слои народа, даже известные прослойки большевистской партии, питали в отношении съезда советов своего рода конституционные иллюзии, т. е. связывали с ним представление об автоматическом и безболезненном переходе власти из рук коалиции в руки советов. На самом деле власть надо было отнять силой, голосованием этого сделать было нельзя: только вооруженное восстание могло разрешить вопрос.

Однако же из всех иллюзий, которые в виде неизбежной примеси сопровождают всякое великое народное движение, даже самое реалистическое, иллюзия советского «парламентаризма» была по всей совокупности условий наименее опасна. Советы на деле боролись за власть, все больше опирались на военную силу, становились властью на местах, брали с бою свой собственный съезд. Для конституционных иллюзий оставалось не так уж много места, да и оно размывалось в процессе борьбы.

Координируя революционные усилия рабочих и солдат всей страны, давая им единство цели и намечая единство срока, лозунг съезда советов прикрывал в то же время полуконспиративную, полуоткрытую подготовку восстания постоянной апелляцией к легальному представительству рабочих, солдат и крестьян. Облегчая соби́рание сил для переворота, съезд советов должен был затем санкционировать его результаты и сформировать новую власть, бесспорную для народа.

Военно-революционный комитет

Несмотря на начавшийся в конце июля перелом, в обновленном петроградском гарнизоне в течение августа все еще господствовали эсеры и меньшевики. Некоторые воинские части оставались заражены острым недоверием к большевикам. Пролетариат не имел оружия: в руках Красной гвардии сохранялось всего несколько тысяч винтовок. Восстание в этих условиях могло бы закончиться жестоким поражением, несмотря на то что массы снова притекали к большевикам.

Положение непрерывно изменялось в течение сентября. После мятежа генералов соглашатели быстро теряли опору в гарнизоне. Недоверие к большевикам сменялось сочувствием, в худшем случае – выжидательным нейтралитетом. Но сочувствие не было активным. Гарнизон оставался политически крайне рыхлым и по-мужицки подозрительным: не обманут ли и большевики? дадут ли на самом деле мир и землю? Бороться за эти задачи под знаменем большевиков большинство солдат еще не собиралось. А так как в составе гарнизона сохранялось почти совершенно неразстворимое меньшинство, враждебное большевикам (5–6 тысяч юнкеров, три казачьих полка, батальон самокатчиков, броневой дивизион), то исход столкновения представлялся и в сентябре сомнительным. Чтобы помочь делу, ход развития принес еще один предметный урок, в котором судьба петроградских солдат оказалась неразрывно связана с судьбой революции и большевиков.

Право распоряжения отрядами вооруженных людей есть основное право государственной власти. Первое Временное правительство, навязанное народу Исполнительным комитетом, обязалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в Февральском перевороте. Таково формальное начало военного дуализма, неотделимого, по существу, от двоевластия. Крупные политические потрясения следующих месяцев – апрельская демонстрация, июльские дни, подготовка корниловского восстания и его ликвидация – неизбежно упирались каждый раз в вопрос о подчиненности петроградского гарнизона. Но конфликты на этой почве между правительством и соглашателями имели, в конце концов, семейный характер и кончались полюбовно. С большевизацией гарнизона дело приняло иной оборот. Теперь уже сами солдаты напомнили об обязательстве, данном в марте правительством ЦИКу и вероломно нарушавшемся обоими. 8 сентября солдатская секция Совета выдвигает требование возвращения в Петроград полков, выведенных на фронт в связи с июльскими событиями. Между тем участники коалиции ломали себе голову над тем, как вывести вон остальные полки.

В ряде провинциальных городов дело обстояло примерно так же, как и в столице. В течение июля и августа местные гарнизоны претерпели патриотическое обновление; в течение августа и сентября обновленные гарнизоны подверглись большевизации. Надо было начинать сначала, т. е. опять перетасовывать и обновлять их. Подготавливая удар по Петрограду, правительство начало с провинции. Политические мотивы тщательно прятались под стратегическими. 27 сентября объединенное собрание советов Ревеля, города и крепости, по вопросу о выводе частей постановило: признать возможной перегруппировку войск при предварительном на то согласии соответствующих советов. Руководители Владимирского совета запрашивали Москву, подчиняться ли распоряжению Керенского о выводе всего гарнизона. Московское областное бюро большевиков констатировало, что «такого рода распоряжения становятся систематическими по отношению к революционно настроенным гарнизонам». Прежде чем сдать все свои права, Временное правительство пыталось овладеть основным правом всякого правительства – распоряжаться вооруженными отрядами людей.

Расформирование петроградского гарнизона становилось тем более неотложным, что близящийся съезд советов должен был так или иначе довести борьбу за власть до развязки.

Руководимая кадетской «Речью» буржуазная пресса твердила изо дня в день, что нельзя предоставлять большевикам возможность «выбрать момент для объявления гражданской войны». Это значило: заблаговременно самим ударить по большевикам. Попытка предварительного изменения соотношения сил в гарнизоне вытекала отсюда неотвратимо. Аргументы стратегического порядка выглядели достаточно внушительно после падения Риги и потери Моонзундских островов. Штаб округа разослал приказы о переформировании петроградских частей для выступления на фронт. Одновременно вопрос был по инициативе соглашателей внесен в солдатскую секцию. План противников был неплох: предъявив совету стратегический ультиматум, вырвать у большевиков одним ударом военную опору из-под ног либо же, в случае сопротивления совета, вызвать острый конфликт между петроградским гарнизоном и фронтом, нуждающимся в пополнениях и в смене.

Руководители совета, отдававшие себе достаточный отчет в подставленной им западне, намеревались хорошо прощупать почву, прежде чем сделать бесповоротный шаг. Отказаться от выполнения приказа можно было только при уверенности, что мотивы отказа будут правильно поняты фронтом. В противном случае могло оказаться более выгодным произвести, по соглашению с окопами, замену частей гарнизона революционными фронтовыми частями, нуждающимися в отдыхе. В таком именно духе, как указано выше, успел уже высказаться Ревельский совет.

Солдаты подходили к вопросу более прямолинейно. Выступать на фронт теперь, глубокой осенью, мириться с новой зимней кампанией – нет, эта мысль совершенно не укладывалась в их головах. Патриотическая печать сейчас же взяла гарнизон под обстрел: разжиревшие от безделья петроградские полки снова предают фронт. Рабочие вступились за солдат. Путиловцы первыми протестовали против вывода полков. Вопрос не сходил более с порядка дня не только в казармах, но и в заводах. Это теснее сблизило две секции совета. Полки стали особенно дружно поддерживать требование вооружения рабочих.

Пытаясь разогреть патриотизм масс угрозой потери Петрограда, соглашатели внесли 9 октября в совет предложение создать Комитет революционной обороны, который имел бы своей задачей участвовать в защите столицы, при активном содействии рабочих. Отказываясь брать на себя ответственность «за так называемую стратегию Временного правительства, и в частности за вывод войск из Петрограда», совет, однако, не спешил высказаться по существу приказа, а постановил проверить его мотивы и основания. Меньшевики пытались протестовать: недопустимо вмешиваться в оперативные распоряжения командования. Но всего лишь полтора месяца тому назад они то же самое говорили о заговорщических приказах Корнилова, и им об этом напомнили. Чтобы проверить, диктуется ли вывод полков военными или политическими соображениями, оказался нужен компетентный орган. К величайшему удивлению соглашателей, большевики приняли идею «Комитета обороны»: именно он должен будет сосредоточить в своих руках все данные, относящиеся к защите столицы. Это был важный шаг. Вырывая опасное оружие из рук противника, совет оставлял за собой возможность, в зависимости от обстоятельств, повернуть решение о выводе частей в ту или другую сторону, но во всяком случае против правительства и соглашателей.

Большевики тем естественнее ухватились за меньшевистский проект военного комитета, что в их собственных рядах не раз уже перед тем велись беседы о необходимости своевременно выдвинуть авторитетный советский орган для руководства будущим переворотом. В Военной организации партии разрабатывался даже соответствующий проект. Трудность, с которой не умели до сих пор справиться, состояла в сочетании органа восстания с выборным и открыто действующим советом, в состав которого входили к тому же представители враждебных партий. Патриотическая инициатива меньшевиков пришла как нельзя более кстати, чтобы облегчить создание революционного штаба, переименованного вскоре в Военно-революционный комитет и ставшего главным рычагом переворота.

Два года спустя после изображенных событий автор этой книги в статье, посвященной октябрьскому перевороту, писал: «Как только приказ о выводе частей был из штаба округа передан Исполнительному комитету Петроградского совета... стало ясно, что этот вопрос в дальнейшем своем развитии может получить решающее политическое значение». Идея восстания сразу начала приобретать плоть. Изобретать советский орган более не приходилось. Действительное назначение будущего Комитета недвусмысленно подчеркивалось тем фактом, что доклад о выходе большевиков из предпарламента Троцкий закончил в том же заседании возгласом: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» Это был перевод на язык советской легальности лозунга: «Да здравствует вооруженное восстание!»

Как раз на следующий день, 10-го, Центральный Комитет большевиков принял на тайном заседании резолюцию Ленина, ставившую вооруженное восстание как практическую задачу ближайших дней. Партия получала отныне ясную и императивную боевую установку. Комитет обороны включался в перспективу непосредственной борьбы за власть.

Правительство и его союзники окружали гарнизон концентрическими кругами, 11-го командующий Северным фронтом генерал Черемисов донес военному министру о требовании армейских комитетов заменить уставшие фронтовые части питерскими тыловиками. Штаб фронта являлся в этом случае лишь передаточной инстанцией между армейскими соглашателями и их петроградскими вождами, стремившимися создать более широкое прикрытие для планов Керенского. Печать коалиции сопровождала операцию окружения симфонией патриотического бешенства. Ежедневные собрания полков и заводов показывали, однако, что музыка правящих не производит на низы ни малейшего впечатления, 12-го общее собрание рабочих одного из самых революционных заводов столицы (Старый Парвийнен) ответило на травлю буржуазной печати: «Мы твердо заявляем, что выйдем на улицу тогда, когда найдем это необходимым. Нас не пугает предстоящая близкая борьба, и мы твердо верим, что выйдем из нее победителями».

Создавая комиссию для выработки положения о «Комитете обороны», Исполнительный комитет Петроградского совета наметил для будущего военного органа такие задачи: войти в связь с Северным фронтом и со штабом Петроградского округа, с Центробалтом и областным советом Финляндии для выяснения военной обстановки и необходимых мер; произвести учет личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, также предметов боевого снаряжения и продовольствия; принять меры поддержания в солдатских и рабочих массах дисциплины. Формулировки были всеобъемлющи и в то же время двусмысленны: почти все они стояли на грани между обороной столицы и вооруженным восстанием. Однако эти две задачи, исключавшие до сих пор друг друга, теперь и на деле сближались: взяв в свои руки власть, совет должен будет взять на себя и военную защиту Петрограда. Элемент оборонческой маскировки не был насильственно привнесен извне, а вытекал до известной степени из условий кануна восстания.

В целях той же маскировки во главе комиссии по выработке положения о Комитете поставлен был не большевик, а эсер, молодой и скромный интендантский чиновник Лазимир, один из тех левых эсеров, которые уже до восстания полностью шли с большевиками, не всегда, правда, предвидя, куда это их приведет. Первоначальный проект Лазимира был отредактирован Троцким в двух направлениях: практические задачи по овладению гарнизоном были уточнены, общая революционная цель еще более затушевана. Одобренный Исполнительным комитетом при протестах двух меньшевиков, проект включал в состав Военно-революционного комитета президиумы совета и солдатской секции, представителей флота, Областного комитета Финляндии, железнодорожного союза, заводских комитетов, профессиональных союзов, партийных военных организаций, Красной гвардии и пр. Организационный фундамент был тот же, что и во многих других случаях. Но личный состав Комитета

предопределялся его новыми задачами. Предполагалось, что организации пошлют представителей, знакомых с военным делом или близко стоящих к гарнизону. Функция должна обусловить характер органа.

Не менее важно было другое новообразование: при Военно-революционном комитете создавалось постоянное Гарнизонное совещание. Солдатская секция представляла гарнизон политически: депутаты выбирались под партийными знаменами. Гарнизонное же совещание должно было состоять из полковых комитетов, которые, руководя повседневной жизнью своих частей, являлись «цеховым», практическим, наиболее непосредственным их представительством. Аналогия между полковыми комитетами и заводскими напрашивается сама собою. Через посредство рабочей секции совета большевики могли уверенно опираться в больших политических вопросах на рабочих. Но чтобы стать хозяевами на заводах, необходимо было вести за собой завкомы. Состав солдатской секции обеспечивал большевикам политическое сочувствие большинства гарнизона. Но чтобы практически распоряжаться воинскими частями, нужно было непосредственно опереться на полковые комитеты. Этим объясняется, почему в период, предшествовавший восстанию, Гарнизонное совещание выдвинулось на передний план, естественно оттеснив солдатскую секцию. Наиболее видные делегаты секции входили, впрочем, и в совещание.

В написанной незадолго до этих дней статье «Кризис назрел» Ленин укоризненно спрашивал: «Что сделала партия для изучения расположения войск и прочее?..» Несмотря на самоотверженную работу Военной организации, упрек Ленина был справедлив. Чисто штабное изучение военных сил и средств давалось партии с трудом: не хватало навыков, не находилось подхода. Положение сразу изменилось с момента, когда на сцену выступило Гарнизонное совещание: отныне перед глазами руководителей проходила изо дня в день живая панорама гарнизона не только столицы, но и ближайшего к ней военного кольца.

12-го Исполнительный комитет рассматривал положение, выработанное комиссией Лазимира. Несмотря на закрытый характер заседания, прения имели в значительной мере инсказательный характер. «Тут говорилось одно, а разумелось другое», – не без основания пишет Суханов. Положение намечало при Комитете отделы обороны, снабжения, связи, информации и пр.: это был штаб или контрштаб. Целью совещания провозглашалось поднятие боеспособности гарнизона. В этом не было неправды. Но боеспособность могла иметь разное применение. Большевики с бессильным возмущением убеждались, что выдвинутая ими в патриотических целях мысль превращается в прикрытие подготавливаемого восстания. Маскировка меньше всего была непроницаемой: все понимали, о чем идет речь; но в то же время она оставалась непреодолимой: ведь совершенно так же поступали раньше сами соглашатели, группируя вокруг себя в критические моменты гарнизон и создавая властные органы параллельно с органами государства. Большевики как будто лишь следовали традициям двоевластия. Но в старые формы они вносили новое содержание. То, что служило раньше для соглашения, теперь вело к гражданской войне. Большевики потребовали занести в протокол, что они против всего предприятия в целом. Эта платоническая просьба была уважена.

На другой день в солдатской секции, которая еще совсем недавно составляла гвардию соглашателей, обсуждался вопрос о Военно-революционном комитете и Гарнизонном совещании. Главное место в этом знаменательнейшем заседании занял по праву председатель Центробалта матрос Дыбенко, чернобородый гигант, не привыкший лезть за словом в карман. Речь гельсингфорского гостя ворвалась свежей и острой морской струей в застоявшуюся атмосферу гарнизона. Дыбенко рассказывал об окончательном разрыве флота с правительством и о новых отношениях с командованием. Перед началом последних морских операций адмирал обратился с запросом к заседавшему в те дни съезду моряков: будут ли исполняться боевые приказы? «Мы ответили: будут – при контроле с нашей стороны. Но...

если увидим, что флоту грозит гибель, то командующий первым будет повешен на мачте». Для петроградского гарнизона это был новый язык. Он и во флоте вошел в употребление только в самые последние дни. Это был язык восстания. Кучка меньшевиков растерянно ворчала в углу. Президиум не без тревоги поглядывал на компактную массу серых шинелей. Ни одного голоса протеста из их рядов! Глаза горят на возбужденных лицах. Дух дерзновения веет над собранием.

В заключение, разогретый общим сочувствием, Дыбенко уверенно заявил: «Говорят о необходимости вывести петроградский гарнизон для защиты подступов к Петрограду, и в частности Ревеля. Не верьте. Ревель мы защитим сами. Оставайтесь здесь и защищайте интересы революции... Когда нам понадобится ваша поддержка, мы скажем вам сами, и я уверен, что вы нас поддержите». Этот призыв, как нельзя лучше укладывавшийся в головы солдат, вызвал вихрь подлинного энтузиазма, в котором бесследно потонули протесты отдельных меньшевиков. Вопрос о выводе полков можно было отныне считать решенным.

Доложенный Лазимиром проект положения был принят большинством в 283 голоса против одного при 23 воздержавшихся. Эти цифры, неожиданные для самих большевиков, измеряли силу революционного напора масс. Голосование означало, что солдатская секция открыто и официально передает управление гарнизоном из рук правительственного штаба в руки Военно-революционного комитета. Близкое будущее покажет, что это не простая демонстрация.

В этот же день Исполнительный комитет Петроградского Совета опубликовал извещение о созданном при нем особом отделе Красной гвардии. Находившееся при соглашателях в загоне и даже под преследованием дело вооружения рабочих стало одной из важнейших задач большевистского совета. Подозрительное отношение солдат к Красной гвардии осталось далеко позади. Наоборот, почти во всех резолюциях полков выдвигается требование вооружения рабочих. Красная гвардия и гарнизон становятся отныне рядом. Вскоре они будут еще теснее связаны общим подчинением Военно-революционному комитету.

Правительство обеспокоилось. Утром 14-го у Керенского состоялось совещание министров, на котором были одобрены предпринимаемые штабом меры против готовящегося «выступления». Властители гадали: ограничится ли на этот раз дело вооруженной демонстрацией или же дойдет до восстания? Командующий округом говорил представителям печати: «Во всяком случае, мы готовы». Обреченные нередко испытывают прилив сил накануне своей гибели.

На объединенном заседании Исполнительных комитетов Дан, подражая июньским интонациям скрывшегося на Кавказ Церетели, требовал от большевиков ответа на вопрос: думают ли они выступить, и если думают, то когда? Из ответа Рязанова меньшевик Богданов сделал не лишенный основания вывод, что большевики готовят восстание и будут во главе восставших. Газета меньшевиков писала: «На невыводе гарнизона и опираются, по видимому, расчеты большевиков при предстоящем захвате власти». Но захват власти брался при этом в кавычки: соглашатели еще не верили опасности всерьез. Они боялись не столько победы большевиков, сколько торжества контрреволюции в результате новых схваток гражданской войны.

Взяв в свои руки вооружение рабочих, совет должен был проложить себе дорогу к оружию. Это произошло не сразу. Каждый практический шаг вперед и здесь подсказывался массой. Нужно было только внимательно относиться к ее предложениям. Через четыре года после событий Троцкий рассказывал на вечере воспоминаний, посвященном Октябрьской революции: «Когда прибыла делегация от рабочих и сказала, что нам нужно оружие, я говорю: “Но ведь арсенал не в наших руках”. Они отвечают: “Мы были на Сестрорецком оружейном заводе”. – “Ну и что же?” – “Там сказали: если совет прикажет, мы дадим”. Я дал ордер на 5000 винтовок, и они получили их в тот же день. Это был первый опыт».

Враждебная пресса немедленно завопила о выдаче государственным заводам оружия по ордеру лица, состоявшего под обвинением в государственной измене и выпущенного под залог из тюрьмы. Правительство смолчало. Но выступил на сцену верховный орган демократии со строгим приказом: никому не выдавать оружия без его, ЦИКа, разрешения. Казалось бы, в вопросе о выдаче оружия Дан или Гоц так же мало могли запрещать, как и Троцкий – разрешать или приказывать: заводы и арсеналы числились в ведении правительства. Но пренебрежение официальными властями во все серьезные моменты составляло традицию ЦИКа и прочно вошло в привычку самого правительства, ибо отвечало природе вещей. Нарушение традиций и привычек пришло, однако, с другого конца: перестав отделять громы ЦИКа от молний Керенского, рабочие и солдаты игнорировали и те и другие.

Требовать вывода петроградских полков было удобнее от имени фронта, чем от имени тыловых канцелярий. Из этих соображений Керенский подчинил петроградский гарнизон главнокомандующему Северным фронтом Черемисову. Изымая столицу в военном отношении из собственного ведения как главы правительства, Керенский тешил себя мыслью, что подчиняет ее себе как Верховному главнокомандующему. В свою очередь генерал Черемисов, которому предстояло раскусить крепкий орех, искал помощи у комиссаров и комитетчиков. Общими силами выработан был план ближайших действий. На 17-е штаб фронта совместно с армейскими организациями вызывал в Псков представителей Петроградского совета, чтоб пред лицом окопов предъявить им свое требование в упор.

Петроградскому Совету не оставалось ничего другого, как принять вызов. Созданную на заседании 16-го делегацию в несколько десятков человек, примерно пополам из членов Совета и представителей полков, возглавляли: председатель рабочей секции Федоров и руководители солдатской секции и Военной организации большевиков Лашевич, Садовский, Мехоношин, Дашкевич и другие. Несколько включенных в делегацию левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов обязались отстаивать в Пскове политику Совета. На совещании делегации перед отъездом принят был проект заявления, предложенный Свердловым.

В том же заседании Совета обсуждалось положение о Военно-революционном комитете. Еще не успев возникнуть, это учреждение со дня на день принимало в глазах противников все более ненавистный облик. «Большевики не дают ответа, – восклицал оратор оппозиции, – на прямой вопрос: готовят ли они выступление? Это трусость или неуверенность в своих силах». В собрании раздается дружный смех: представитель правительственной партии требует, чтобы партия восстания раскрыла ему свое сердце. Новый Комитет, продолжает оратор, это не что иное, как «революционный штаб для захвата власти». Они, меньшевики, туда не войдут. «Сколько вас?» – кричат с мест. В совете меньшевиков, правда, немного, всего 50 человек, но зато им доподлинно известно, что «массы не сочувствуют выступлению». В своей реплике Троцкий не отрицает того, что большевики готовятся к захвату власти: «Мы из этого не делаем тайны». Но сейчас вопрос не об этом. Правительство предъявило требование вывода революционных войск из Петрограда, «и мы должны сказать: да или нет». Проект Лазимира принимается сокрушительным большинством голосов. Председатель предлагает Военно-революционному комитету на следующий же день приступить к работе. Так сделан еще шаг вперед.

Командующий округом Полковников снова докладывал в этот день правительству о готовящемся выступлении большевиков. Доклад был выдержан в бодрых тонах: гарнизон в общем на стороне правительства, юнкерские школы получили приказ быть готовыми. В воззвании к населению Полковников обещал в случае надобности принимать «самые крайние меры». Городской голова эсер Шрейдер умолял со своей стороны «не устраивать беспорядков во избежание верного голода в столице». Угрожая и заклиная, храбрясь и пугаясь, печать брала все более высокие ноты.

Для воздействия на воображение делегации Петроградского Совета в Пскове подготовлена была военно-театральная обстановка приема. В помещении штаба вокруг столов, покрытых внушительными картами, разместились господа генералы, высокие комиссары во главе с Войтинским и представители армейских комитетов. Начальники отделов штаба выступали с докладами о военном положении на суше и на море. Заключение докладчиков сходились в одной точке: необходимо немедленно вывести петроградский гарнизон для защиты подступов к столице. Комиссары и комитетчики с негодованием отвергали заподозривания насчет закулисных политических мотивов: вся операция продиктована стратегической необходимостью. Прямых доказательств противного у делегатов не было: в подобного рода делах улики не валяются на улице. Но вся обстановка опровергала доводы от стратегии. Не в людях испытывал фронт недостаток, а в готовности людей воевать. Настроения петроградского гарнизона были совсем не таковы, чтобы упрочить расшатанный фронт. К тому же уроки корниловских дней были еще в памяти у всех. Насквозь убежденная в своей правоте делегация легко противостояла натиску штаба и вернулась в Петроград более единой, чем выехала.

Те прямые улики, которых не хватало участникам, имеются отныне в распоряжении историка. Секретная военная переписка свидетельствует, что не фронт требовал петроградских полков, а Керенский навязывал их фронту. На телеграмму военного министра главнокомандующий Северным фронтом отвечал по проводу:

«Секретно. 17. X. Инициатива присылки войск петроградского гарнизона на фронт шла от вас, а не от меня... Когда выяснилось, что части петроградского гарнизона не желают идти на фронт, т. е. что они небоеспособны, то я в частном разговоре с вашим представителем – офицером сказал, что... таких частей у нас уже достаточно на фронте; но ввиду выражаемого вами желания отправить их на фронт я не отказывался от них и не отказываюсь от них теперь, если вы по-прежнему признаете вывод их из Петрограда необходимым». Полуполемический характер телеграммы объясняется тем, что Черемисов, генерал, склонный к высшей политике, считавшийся в царской армии «красным» и ставший позже, по выражению Милюкова, «фаворитом революционной демократии», успел, видимо, прийти к заключению, что лучше заблаговременно отгородиться от правительства в его конфликте с большевиками. Поведение Черемисова в дни переворота полностью подтверждает это объяснение.

Борьба из-за гарнизона переплеталась с борьбой из-за съезда советов. До намеченного первоначального срока оставалось четыре-пять дней. «Выступление» ожидалось в связи со съездом. Предполагалось, что, как и в июльские дни, движение должно развернуться по типу вооруженной массовой демонстрации с уличными боями. Правый меньшевик Потресов, опираясь, очевидно, на данные контрразведки или французской военной миссии, смело фабриковавшей фальшивые документы, излагал в буржуазной печати план большевистского выступления, которое должно было совершиться в ночь на 17 октября. Находчивые авторы плана не забыли предусмотреть, что у одной из застав большевики захватят с собою «темные элементы». Солдаты гвардейских полков умеют смеяться не хуже богов Гомера. Белые колонны и люстры Смольного содрогались от залпов хохота при оглашении статьи Потресова на заседании совета. Но мудрое правительство, которое умело не видеть того, что происходило на его глазах, серьезно испугалось нелепой фальшивки и спешно собралось в 2 часа ночи для отпора «темным элементам». После новых совещаний Керенского с военными властями нужные меры были приняты: усилена охрана Зимнего дворца и Государственного банка; вызваны две школы прапорщиков из Ораниенбаума и даже бронированный поезд с Румынского фронта. «В последнюю минуту большевики, – по словам Милюкова, – отменили свои приготовления. Почему они это сделали – неясно». Через несколько лет после событий ученый историк все еще предпочитал верить вымыслу, который в самом себе нес свое опровержение.

Власти поручили милиции обследовать окраины города, чтобы напасть на следы подготовки к выступлению. Доклады милиции представляют сочетание живых наблюдений с полицейским тупоумием. В Александро-Невской части, где расположен ряд крупнейших заводов, обследователи наблюдали полное спокойствие. В Выборгском районе необходимость свержения правительства проповедовалась открыто, но «наружно» было спокойно. В Васильеостровском районе настроение приподнятое, но и здесь внешних признаков близкого выступления не наблюдалось. На Нарвской стороне велась усиленная агитация в пользу выступления; но ни от кого нельзя было добиться ответа на вопрос, когда именно – либо день и час держится в строжайшем секрете, либо же он действительно никому не известен. Решено: усилить на окраинах патрули, милицейским комиссарам почаще проверять посты.

Корреспонденция в московской либеральной газете недурно дополняет отчет милиции: «На окраинах, на петроградских заводах. Невском, Обуховском и Путиловском, большевистская агитация за выступление идет вовсю. Настроение рабочих таково, что они готовы двинуться в любой момент. За последние дни в Петрограде наблюдается небывалый наплыв дезертиров... На Варшавском вокзале не пройти от солдат подозрительного вида с горящими глазами и возбужденными лицами... Имеются сведения о прибытии в Петроград целых воровских шаек, чувствующих наживу. Организуются темные силы, которыми переполнены чайные и притоны...» Обывательские страхи и полицейские рассказы переплетаются здесь с суровой действительностью. Приближаясь к развязке, революционный кризис разворачивал общественные глубины до самого дна. И дезертиры, и воровские шайки, и притоны действительно поднялись на гул приближающегося землетрясения. Верхи общества с физическим ужасом глядели на разнужданные силы своего режима, на его пороки и язвы. Революция не создала их, а только обнажила.

В эти дни в Двинске в штабе корпуса уже знакомый нам барон Будберг, желчный реакционер, не лишенный наблюдательности и своеобразной проницательности, писал: «Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революционеры старых и мартовских формаций чувствуют приближение своего конца и верещат вовсю, напоминая мусульман, пытающихся трещотками предотвратить затмение луны».

18-го впервые созывалось Гарнизонное совещание. Телефонограмма по воинским частям призывала воздерживаться от самочинных выступлений и выполнять лишь те распоряжения штаба, которые будут скреплены солдатской секцией. Совет делал, таким образом, решительную попытку открыто взять контроль над гарнизоном в свои руки. Телефонограмма представляла собою, в сущности, не что иное, как призыв к низложению существующих властей. Но ее можно было при желании истолковывать как мирный акт замещения соглашателей большевиками в механике двоевластия. Практически это сводилось к тому же, но более гибкое толкование оставляло место для иллюзий. Президиум ЦИКа, считавший себя хозяином Смольного, сделал попытку приостановить рассылку телефонограммы. Этим он только лишней раз скомпрометировал себя. Собрание представителей полковых и ротных комитетов Петрограда и окрестностей состоялось в назначенный час и оказалось чрезвычайно многолюдным.

Благодаря атмосфере, созданной противниками, доклады участников Гарнизонного совещания сами собою сосредоточились на вопросе о предстоящем выступлении. Произшла знаменательная переключка, на которую руководители вряд ли отважились бы по собственной инициативе. Против выступления высказываются: школа прапорщиков в Петергофе и 9-й кавалерийский полк. Маршевые эскадроны гвардейской кавалерии склоняются к нейтралитету. Школа прапорщиков в Ораниенбауме подчинится лишь распоряжению ЦИКа. Но этим и ограничиваются враждебные или нейтральные голоса. О готовности выступить по первому призыву Петроградского совета свидетельствуют: Егерский, Московский, Волынский, Павловский, Кексгольмский, Семеновский, Измайловский, 1-й Стрелковый и 3-

й Запасный полки, 2-й Балтийский экипаж, электротехнический батальон, артиллерийский дивизион гвардии. Гренадерский полк выступит лишь по призыву съездов советов: этого достаточно. Менее значительные части равняются по большинству. Представителям ЦИКа, который считал недавно, и не без основания, источником своей силы петроградский гарнизон, было на этот раз чуть не единогласно отказано в слове. В состоянии бессильного раздражения они покинули «неправомерное» собрание, которое по предложению председателя тут же подтвердило: никакие приказы без скрепы совета не действительны.

То, что готовилось в сознании гарнизона в течение последних месяцев, особенно недель, теперь кристаллизовалось. Правительство оказалось ничтожнее, чем можно было думать. В то время как город гудел слухами о выступлении и кровавых боях, совещание полковых комитетов, обнаружившее подавляющий перевес большевиков, сделало, по сути дела, ненужными ни демонстрации, ни массовые бои. Гарнизон уверенно шел к перевороту, воспринимая его не как восстание, а как осуществление бесспорного права советов распоряжаться судьбою страны. В этом движении была непреодолимая сила, но в то же время и тяжеловесность. Партии необходимо было умело сообразовать свои действия с политическим шагом полков, из которых большинство ждало призыва со стороны Совета, а некоторые – со стороны съезда советов.

Чтобы устранить опасность хотя бы временного замешательства в развитии наступления, необходимо было ответить на вопрос, волнующий не только врагов, но и друзей: действительно ли не сегодня-завтра разразится восстание? В трамваях, на улице, в магазинах только и речи что о предстоящем выступлении. На Дворцовой площади перед Зимним и перед штабом – длинные очереди офицеров, предлагающих правительству свои услуги и получающих в обмен за это револьверы: в минуту опасности ни револьверы, ни их владельцы совершенно не обнаружатся. Вопросу о восстании посвящены передовые статьи всех сегодняшних газет. Горький требует от большевиков, если только они не являются «безвольной игрушкой одичавшей толпы», опровергнуть слухи. Тревога неизвестности проникла и в рабочие кварталы, особенно в полки. Там начинало казаться, что готовится выступление без них. Кем? Почему молчит Смольный? Противоречивое положение Совета, как открытого парламента и как революционного штаба, создавало на последнем перевале большие затруднения. Молчать дольше становилось невозможным.

«Последние дни, – говорит Троцкий в конце вечернего заседания совета, – печать полна сообщений, слухов, статей относительно предстоящего выступления... Решения Петроградского совета публикуются во всеобщее сведение. Совет – учреждение выборное и... не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам... Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не было назначено. Но если бы совет по ходу вещей был вынужден назначить выступление, рабочие и солдаты выступили бы как один человек по его зову... Указывают, что я подписал ордер на 5000 винтовок... Да, подписал... Совет будет и впредь организовывать и вооружать рабочую гвардию». Делегаты понимали: сражение близко, но без них и помимо них не будет дано сигнала.

Однако помимо успокоительного разъяснения массам необходима ясная революционная перспектива. Докладчик связывает воедино два вопроса: вывод гарнизона и предстоящий съезд советов. «У нас с правительством имеется конфликт, который может получить крайне острый характер... Мы не позволяем... обнажить Петроград от его революционного гарнизона». Этот конфликт подчинен, в свою очередь, другому надвигающемуся конфликту. «Буржуазии известно, что Петроградский совет предложит съезду советов взять власть в свои руки. И вот, в предвидении неизбежного боя буржуазные классы пытаются обезоружить Петроград». Политическая завязка переворота впервые дана была в этой речи с полной определенностью: мы собираемся взять власть, нам нужен гарнизон, мы его не отдадим. «При первой попытке контрреволюции сорвать съезд мы ответим контр наступлением, кото-

рое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Провозглашение решительного политического наступления завершается и на этот раз формулой военной обороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.